

АЛЕКСАНДР РЕЙТЕР

**ЧУТЬ НИЖЕ
ПОВЕРХНОСТИ**

СТИХИ. ПРОЗА.

Александр Рейтер
Чуть ниже поверхности

«Accent Graphics communications»

1998-2020

Рейтер А.

Чуть ниже поверхности / А. Рейтер — «Accent Graphics communications», 1998-2020

Чуть ниже поверхности – первая книга писателя, поэта и музыканта Александра Рейтера. Этот сборник – плод более чем десятилетнего периода творчества и жизни. Основной принцип которого был ничего не выдумывать, не писать не прожив сюжет в собственной жизни, но «такой роман невозможно закончить», поэтому назвать книгу полностью автобиографической тоже нельзя. Философские проблемы и размышления, вопросы без однозначных ответов, парадоксы, уводящие в абсурд и психоделию, бесконечное познание себя и мира – стоит лишь немного потянуться рукой и вот оно то, что лежит бесконечно далеко и совсем рядом – всего-то чуть-чуть ниже поверхности...

© Рейтер А., 1998-2020

© Accent Graphics
communications, 1998-2020

Содержание

Биография	5
I часть. Проза	6
Путешествия	6
Повторение	7
Метаморфозы	20
Ртуть	31
Вода	36
Пропорции	46
Соломенные бычки	50
Крепость или На нашем дне	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Рейтер

Чуть ниже поверхности

Биография

Родился в 1977 году в г. Ростове-на-Дону, закончил университет РГУ, философский факультет, что отразилось на дальнейшем образе мысли и творчестве. С конца 90-х пишет стихи и песни, позже начинает прозу, пытаясь все время экспериментировать и смешивать разные жанры и стили.

Был участником поэтических и музыкальных квартирников и концертов журнала Кора Дуба, фестивалей в Танаисе.

Участвовал в группах: Иванов День, Скить. Создатель полу-панк проекта Светящиеся Точки, после 2014 года переименованного в May Be Silence (Может Быть Тишина).

С 2005 года живет в Санкт-Петербурге. Записывает и выпускает альбомы, пишет прозу, стихи, изредка участвует в концертах.

I часть. Проза

Путешествия

1. Повторение
2. Вокзал
3. Расстояния
4. Декорации
5. Цифры
6. Туман

Повторение

1 поездка

Нет! Нужно все-таки выбрать: либо читать, либо... Писать?
Участвовать?..

Тщетно пытаюсь закрыться книгой, занырнуть в небытие, спрятаться, только звук поезда. Строчки, чьи-то фразы, слова глотаются как скользкие кусочки теплого желе или безвкусного фрукта, не оставляя никакого следа ни в уме, ни в сердце. Невольно слежу за собой со стороны. Вожу пустыми глазами как большая пойманная рыба, не обученная грамоте, словно не читать пытаюсь, а пишу хвостом на воде или густом воздухе записку о кораблекрушении, мол, все, спасайте – этот остров обитаем!

А что-то могучее как фаза луны, рвется стать очевидностью здесь и сейчас, как ребенок сквозь толпу на самый центр площади – может, просто из любопытства? – ведь там дает импровизированное представление бродячие театр. Оно наблюдает, удивляется, может, иногда смеется, треплет меня за грудки, словно безумец, считающий своим горестным бременем быть всегда для всех невидимым, отчаянно стремится опровергнуть самого себя, вопиет перед моим лицом:

– Я здесь, и тебе уже не отвертеться от моего присутствия возле тебя и внутри твоего лживого ума! Я – это ты сам, глупец! Сегодня хочется перевернуть этот цирк!

Мы соперничали один с другим, бессмысленно пытая друг дружку в перехватывающих дух волнообразных объятиях, а Луна потешалась и растаскивала нас то и дело в разные стороны силой своих приливов и отливов, а где-то за спиной все равно снова свивала нас вместе канатом, и тот уползал внутрь моего позвоночника и являлся, в итоге, моим внешним проявлением, моим существованием – это констатировал будто уже кто-то третий.

– Может перейдете из плацкарта в купе? – вежливый женский голос обратился явно к одному из нас.

– О, нет, нет, спасибо! – ответил ей кто-то во мне, так просто сдаться было бы уж совсем горько.

Интересно, а кто я сейчас для нее, для других, ведь я его, этого внешнего себя и не знаю совсем. Может это и есть этот самый третий, которого – я думал – даже не замечают остальные пассажиры вагона?

Я будто пытаюсь обмануть собственные глаза, пресловутую очевидность, пытаюсь обмануть всех – жалкие попытки. В глубоком детстве только бабушку легко было обмануть сделав вид, что спишь, читаешь или делаешь уроки, а на самом деле, втихаря, неистово жаждешь воплощения всех страстей мира.

Конфликт наблюдателя и наблюдаемого, который придумал этот кто-то третий.

У этой камеры нет авто-спуска, и ты можешь либо быть в кадре и участвовать в массовке, либо нажимать на кнопку и смотреть в глазок, но помни, что тогда все поведение перед объективом меняется, как у квантов.

Веду взглядом по строке, а боковым зрением и всеми мурашками, проступившими на руках чувствую следящие за моими движениями тысячи глаз и вздохов, и невидимых течений, вижу их негодование и смех над моими жалкими потугами пойти против хода происходящего, над ничтожными попытками не быть там, где я есть, и тем, кто я есть, а играть недоученную роль надоевшего всем стареющего героя, искателя наименьшего зла или наибольшего абсурда.

А за этой мною рукотворно воздвигнутой стеной низко гудело, как море у самого дна, в вертикальном разрезе, всё накопившееся и нахлынувшее из отверженного и обесцененного мира. Окружающая трясина действительности была готова выставить меня голого и обваленного в липких перьях грима на фоне моих же, наспех сооруженных декораций и поднять на шесте напоказ и всему люду насмех.

Но почему именно сейчас, когда я открыл книгу, чтобы просто скоротать вечер в пути в вагоне поезда и отвлечься?

А! Вот именно, отвлечься, спрятаться захотел?! Притвориться отсутствующим, да? – ни за что! Слышишь?

– Возьмите, вот ваше белье, может хотите чаю? – кажется она не на шутку за меня взялась, наверное все-таки заподозрила, что с нами во мне что-то не так – вот-вот подеремся или пойдем назло курить в тамбур.

– Да, с удовольствием, спасибо, – кто-то снова ответил за меня, наверное этот третий, ах, какой приятный сюрприз, с вами наконец-то познакомиться.

Я начинаю понимать, я просто боюсь собственного бессилия, неспособности здесь и сейчас, вот, как раз сейчас, общаться с этими молодыми, полными мутного как поток веселья людьми, или хотя бы просто находиться рядом, быть уместным в том же их мире, или хоть кое-как сыграть что-то, во что бы они поверили.

Я начинаю ощущать, как между частями каната в моей спине впутывается еще одна непрошенная веревка, размягчая сплетение первых двух-трех, опутывая туманом и отправляя их в вертикальную пучину под весом собственной нарастающей волны – что, четвертый лезет? Новая сила прощалась со всеми старыми, как после кораблекрушения порожняя бочка прощается с тонущими сокровищами, воцаряя свое зияющее царство пустоты. Я будто посмотрел сам на себя откуда-то со второй полки плацкарта. Очень приятно: я же решето.

И они меня видят насквозь! Да я и есть настоящее решето, только с большим, чем у них жизненным опытом, значит, еще и проржавевшее.

– Сколько можно шуметь?! Я купила билет на поезд, а не на концерт!

– Женщина, успокойтесь, мы же вас не трогаем! – молодежь даже не подумала смутиться.

О, наконец-то, хоть кто-то решил взять мое бремя на себя, хоть на мгновение, разбавить мой молчаливый моноспектакль, теперь я смогу дохромать до конца очередного действия, уже можно попробовать уснуть, к тому же завтра рано прибываем.

Где же теперь грань между мною и происходящим?

Здравствуй, новый друг, ты, если хочешь, поиграй еще, а я спать.

Ну вот, наконец-то, снова начинается вращение карусель Морфея: лица, тела, фразы из песен, звуки с эхо, все удаляется, с годами все легче себя обманывать и погружать в кутерьму!

День начался и пошел по всем законам дня в чужом городе: сухо, сдержанно, скрыто. Вокзал, четкие механические движения, этот "третий" или "четвертый" – кто их теперь разберет – так хорошо играл, за него не стоило беспокоиться, час или полтора – и я на месте. Нейтральное, нехоженное, незнакомое пространство – может и к лучшему, что оно не помогало мне, не подсказывало никаких маршрутов и клише – никакой обусловленной повседневности.

Знойное тело дня нехотя начало набрасывать на себя прозрачную накидку из тени, потом все плотнее в нее кутаться с наступлением вечера. *Дня, его почти никогда и нет – есть утро и есть вечер, и, если повезет, есть ночь, а дня, к счастью, совсем нет.*

После окончания всех своих командировочных дел я пошел в гостиницу, она находилась в студ-городке и была сделана на нескольких этажах обычного студенческого общежития. Я купил немного еды, пива и чая. Нужно было входить вместе со студентами через общий

холл: шум и фонтан неумемной энергии повсюду, все показывали коменданту свой студенческий билет и проворачивали бедром вертушку. Я повторил тот же алгоритм, только вместо билета показал выданный мне суррогат – бумажный пропуск с прикрепленным к нему командировочным удостоверением.

Может окружающие ничего не заподозрили и мне удалось, словно шпиону, смешаться с ними и проникнуть на чужую территорию? Все роли к концу дня игрались небрежно, на автомате, я уже не ждал аплодисментов, просто хотелось тишины и одиночества.

Я ждал, будто встречи с возлюбленной, прихода ночи, я готовился к нему, предчувствуя что-то важное для себя. Я не знал что принесет мне эта поездка, но уже в поезде знал, что обратно я вернусь другим. Может я когда-то здесь уже был или еще буду после? Просто ощущение...

Ночной шум редких машин – не то, что днем – лишь далекие огоньки и постоянное ощущение чего-то непрерывно продолжающегося. Город дает утопическое ощущение надежды, от которой хочется вечно бодрствовать, никогда не спать, он борется со сном своим несмолкаемым движением, а ты следишь за ним, боясь пропустить какие-нибудь детали.

Как изменился звук земли с появлением техники, машин, заводов! Высвобожденные децибеллы витают теперь неприкаянно, возможно накапливаются и переходят в какую-то неоткрытую еще энергию, силу заставляющую прислушиваться, даже когда тихо, и тревожно ожидать, порою, грома среди ясного неба.

Я залез с ногами на подоконник как делают всегда в общагах, вокруг был студ-городок, я закурил, потушил свет. Меня всегда возбуждали общаги, они таят скрытое приключение и столько бурлящей юной энергии, даже когда этого вовсе не желаешь, или убеждаешь себя, что не желаешь, а сам только и смотришь на нее с завистью с высокого этажа. Где-то внизу слышалось: “Доброе утро последний герой!” хором молодых ломающихся голосов под ненастроенную гитару. Все как обычно в таких местах. Все, кроме меня, и снова подступает оно... Но теперь что-то изменилось и еще добавилось: вчерашний победитель, продемонстрировавший и доказавший мне мою жалкость и ничтожество, теперь похоже и сам загрузил.

Словно заточенный в башне на своем 10 этаже, я все слышу и вижу, и прибавляющуюся Луну, и черную громаду леса справа, и пятиэтажки общаг внизу слева, а дотянуться не могу... Здесь, так далеко от реальности того мира с его проблемами и радостями, мира принадлежащего другим людям, совсем другим, которые могут сейчас для меня быть небрежно и прихотливо лишены и лиц и индивидуальности – они все так далеко от меня, а я здесь и сейчас, я – несчастный наблюдатель своего мира.

В одном из окон с торца здания, наверное из общажного коридора или лестницы, только что заигрывали друг с другом и обнимались две девушки. Удивительно. Я самый подходящий для них наблюдатель из всех возможных, а они самый подходящий внезапно появившийся предмет моих наблюдений, не требующий моего участия, не диктующий мне поведения, принимающий меня как есть, вернее, как нет – легко обходящийся без меня... но их, словно двух птичек, кто-то потревожил, и они быстро упорхнули. Так жаль. Нет, это к лучшему. Я ушел в комнату.

Я существую, будто параллельно всему в своем искусно созданном положении наблюдателя, который то ли по привычке, то ли по заблуждению, по прежнему жаждет действия и участия. Еще выпить, чтобы дионисийский порыв увлек меня еще глубже в сладкое страдание ненужного “вне”, “былое”, – тоже мне, воспоминатель! Но мое прошлое ничуть не менее настоящее, чем их настоящее настоящее, у меня все это было в изобилии, не подумайте! – попытался я оправдаться перед заскучавшей публикой, – но все это было, а я пытаюсь думать, что до сих пор есть.

Пустое царство кто-то занял. Заняла какая-то новая игра, но уже не моя игра, что-то или кто-то незнакомый играл со мной. Как происходит порой: это что-то забрасывает меня в другое время не силой моей памяти или ностальгии, а будто выстрелом в воздух – вокруг те же незримые узоры, что и во времени-доноре, оно заставляет чувствовать также и то же, что тогда, но сейчас еще с оттенком некоей усталости, часть души не желает поддаваться игре и сохраняет резерв благоразумия, от которого, как раз, и веет прошлым "прошлым" и досадной посторонностью.

От ночной прохлады заныла шея, еще выпить и снова в кутерьму, закрыть и занавесить окно, и с белым флагом в добровольный плен к врагу? Может снова испробовать проваленную вчера попытку почитать...

"... Что значит твоё молчание, когда ты молчишь? Что значат твои слова всякий раз на другом, новом языке? Только не бросай мою руку, когда я буду спускаться по узким ступенькам в сумраке..."

А есть ли вообще какие-то постоянные действующие лица, ипостаси пресловутого "я": один, другой, третий, десятый? Может, когда ты всякий раз прикладываешься к замочной скважине посмотреть, что же будет дальше, старый искусный актер успеваешь переоблачиться, и создается иллюзия целой труппы, ведь зритель из тебя тоже "так себе" – то и дело слышен храп.

Ну уж нет!

Я нащупал в кармане наушники, воткнул штекер. Музыка, как катализатор, незаметно брошенная в остывающий котел, вдруг заставила встать, включить свет и выйти в коридор.

– Всё, хватит сидеть и думать о своей изоляции, пора выйти в тот настоящий мир, который меня так тяготит, тянет и пугает. Я должен сделать первый шаг! Я выйду к ним, даже если мои ноги засосет как в зыбучие пески, абсурд, я этого хочу! Ну, или просто куплю еще пива.

Я с решимостью подошел к выходной двери, рывок... Но увы – это же общежитие, и все двери после полуночи закрываются комендантом.

"Теперь точно в плен, где мой белый флаг?"

Но ощущение приключения, которое так безжалостно было расстроено, все же не ушло, и я пошел курить на общий балкон на 10-м этаже.

Еще не отворив дверь, я почувствовал, что там кто-то есть. Приготовился к внеплановому выходу на сцену, поправил парик и открыл дверь. Там оказался молодой человек с большими воспаленными, будто заплаканными голубыми глазами.

– Не хотите портвейну?

– С удовольствием, а то я хотел как раз купить что-нибудь, а дверь уже заперта.

– Да, здесь так принято, я здесь уже бывал, возможно, даже не раз.

– "Возможно" – мне это очень знакомо последнее время. А вы, кажется, чем-то сильно расстроены?

– Да, не обращай внимания, может лучше сразу перейдем "на ты"?

– Да, конечно, а вообще, я не помешал, в смысле, может я пойду?

– Нет, не уходи, пожалуйста, мне так плохо сейчас, извини, раскис просто. Скажи, ведь если всё меняется, может и теперь что-то изменится к лучшему?

– Да, может. Понять бы еще, что считать лучшим... Кажется, тебе пора просто отдохнуть, да и мне уже, давай, я тебя провожу.

– Остаешься, прошу, мне сейчас так одиноко, – он сжал мою руку...

Утром ныла голова, память, как оробевшие родственники у одра тяжелобольного, затаилась и не решалась припомнить ни слов, ни событий прошедшей ночи, чтобы дать мне спокойно уйти. Уже пора было уходить в один конец, просто снова уходить.

Прежний страх пространства и его преодоления смазался теперь еще и своего рода близорукостью: словно ощущалась только небольшая сфера вокруг моей точки присутствия, остальное же, что за ее пределами размывалось и растиралось в пыль безжалостной мокрой ладонью, сделанной из губчатого слепого камня. Мой тусклый фонарик в кромешной окружающей тьме периодически вовсе мерк, и я брел наощупь, коридор, лифт, холл, до свидания, двор, а в голове с каждым шагом било в колокол:

“Неужели мы все такие чужие себе и всему вокруг?!”

А внутри живота спазмом подступала радость и невесомость, мой плен окончен, наступило долгожданное освобождение!

Подул ветерок, и меня обдало снегом от цветущих яблонь, я остановился, подставил ладонь, один лепесток приземлился в нее. "Он знает больше меня, он естественен, он совершенен, он принимает жизнь как она есть, он ее часть, и не требует взамен даже гарантированного времени для цветения, ему хватает и этих прекрасных мгновений, а потом время же и растопчет его".

Я вгляделся. Ни дорога, ни здания вокруг, ни аллея из цветущих яблонь не напоминали о тех ночных видениях, о новых странных ощущениях, будто это было совсем в другом месте и в другое время, и я теперь вижу все впервые. Я медленно пошел по аллее делая вид, что не чувствую спиной, что он смотрит на меня откуда-то из окна с высокого десятого этажа и будет следить до тех пор, пока я совсем не исчезну из вида.

2 поездка

Что принесет мне это поездка, это повторение, чему оно научит меня, или может уже начало учить?..

Я приеду в ту же гостиницу, может в тот же номер, знаю как всё будет, даже занавески помню! А может снова встречу Пьера?.. Пьер, или может, его по-другому зовут. Тогда я не смогла сказать ему ничего, ничего настоящего, ничего, что могло бы соединить теперь эти два разорванных времени, может и специально, чтобы обмануть себя и попробовать вырезать то наше время из общего потока, сохранить в альбомчике под слоем пыли, будто не было ничего до, и не будет ничего после, но это мне не под силу – вырезая куски времени, выбрасывая его или даря, я сразу делаю его ненастоящим, фальшивым, а разве так может быть? – нет, всё мое время это я, и это по-настоящему, да, глупышка, мало что ли ты занималась вырезанием из бумаги в детстве, ты ведь можешь всё: начать где захочешь и закончить, чем хочешь, картинка изменится, он от этого не пострадает, главное вовремя остановиться.

А может ли вообще быть "ТА" гостиница? Невозможно ведь повторить черты того моего окна, открытого в ночь, тех редких огней вдоль дороги, мутного ночного зарева далекого мегаполиса где-то за неизведанностью, за большими прозрачными глазами Пьера, за черным лесом, за пределами сферы.

Тщетно оставлять зарубки во времени: события, встречи, лица, чувства, места – они никогда не возвращаются такими же, никогда не возвращаются, просто оказываются похожи на те, что были известны нам или совсем непохожи, ведь все это время они были, хоть и без нас – долой идеализм.

Может хоть белье в этот раз будет побелее и не застирано до ветхости. Я не уверена, что помню то, что было, не в смысле провала в памяти, а наоборот, я не понимаю было ли то, что я помню, была ли я там, может это все просто "де-жа-вю"!

Мы пытаемся освоить время, научиться ему, научиться быть внутри него, не выпадая как птенец из гнезда, узнавать и знать его, чувствовать его пульсацию каждый такт, бросать в него семена и, втираясь к нему в доверие, ожидать, что проросший всход будет нашим, что лестница будет длиться и длиться пока мы этого хотим, пока ждем, что из тьмы впереди проступит новое пространство для шага, но после старательно построенных нами ступенек пьедестала всегда полет, всегда шаг вникуда.

Первый шаг всегда вникуда.

Повседневные повторения, смешные бессмысленные ритуалы, свято чтимые с самого пробуждения и до сна, с самого детства, и так всю жизнь – это всё наивные попытки обмануть время, получить уверенность и спокойствие за свой следующий шаг и вздох, получить билет на гарантированный поезд до следующей станции, следующего утра или грядущего вечера, и будто этот ежедневный трамвай провезет нас, как и вчера, по изведенному маршруту и поможет миновать непреодолимый страх Города, где таких рельсов не проложено, страх, что всё привычное и надежное в один момент может исчезнуть и закончиться. Но страх этот настолько властен над нами, что всегда остается где-то за стеклом, где-то там, будто его и нет вовсе, ведь когда на другом полушарии ночь, мы не видим тьмы, не боимся ее, она вытесняется настолько, что ее просто нет. Мы во власти маршрута, мы даже не требуем проводника, ведь мы сами, закрыв глаза, ведем трамвай по рельсам, само существование которых вымысел и олицетворение этого страха.

Мы в каком-то безымянном вечном поезде, всё одноразовое, белье, посуда, разговоры, лица, почти отвесная плоскость, по которой мы смело скользим, и наши короткие истории, сменяя одна другую, и мы, обезличенно сменяя один другого перед равнодушным взглядом случайности, временности, дешевой гостиницы, сделанной из старого общежития, все ищем тепла и любимых объятий.

Мне выдали три ключа, от этажа, секции и комнаты. Для комнаты было необязательно запоминать ключ, все три открывали ее с успехом, причем даже если ключ вставить в замочную скважину лишь на треть.

Я вошла, но "та" комната так и осталась для меня закрытой. Может коричневые полосы от спин на обоях вдоль кроватей, прокуренные занавески и наспех сделанный косметический ремонт потолков, полов, ванны, балконных дверей притаились перед взыскующим новым взглядом, чтобы скрыть всю неприглядную историю этих стен, замести следы проскользнувшего здесь одним только краем нисходящего движения, полета с пьедестала в бездну неизвестности, или прыжка с трамплина во внутренние окна, на новые чистые страницы сознания. Все эти миры, уводящие душу и растаскивающие ее в разные стороны, как и эти следы, которые, остыв, потеряли связь с оставившим их и не несут даже воспоминаний, превращаются в черные дыры. Они пытаются создать иллюзию того, что мы можем обладать хотя бы прошлым, что хоть эти подачки времени – для нас, но потом оказывается, что мягкая рука прибоя смысла и последние знакомые очертания на песке, оставив нам лишь смутный шелест тревоги и фальшивости, и вечную тоску оторванной от всего живого беспредметной памяти.

Неужели я уже была здесь, я помню дорогу, события, помню себя здесь и первые впечатления, но будто чужой памятью, откуда эти образы, так сильно возбуждающие, но заставляющие идти между двух огней, меж собой и другим, не дающие принять ни одну из сторон: ни письмо с чистого одноразового листа воплощающего мои сюжеты, ни чтение уже прочитанной понравившейся книги?

Утро, я проскользнула тихо мимо трамвая, который еще не проснулся, сегодня никаких ритуалов, всё выдумываю заново! Ключ подходит любой, все дороги нехожены, я хозяйка своей жизни, искусно делаю вид как у всех вас, извините, я вас не помню, а вы, конечно – меня.

Ключ на треть, поворот... и душка от ключа в моей руке, а сам он остался в замке, ну вот – теперь я заперта в своей же ловушке, в коридоре ни души, прощайте люди, комната которая не хотела меня впускать, теперь не хочет отпускать. Вот и расплата за легкомысленное отношение к реальности! А может я забыла здесь что-то или узнала слишком много и теперь так просто уйти не удастся?...

Я чувствую себя другим человеком, наверно даже мужчиной, я знаю что здесь было, и оно так близко...

В коридоре слышались негромкие и неравномерные шаги: "Я уже почти опоздал. О, боги! Какое жуткое похмелье. Надеюсь в третий раз сюда не занесет"...

(22.05.07 – 8.10.07)

Вокзал

– Еще по 100 грамм, аллилуйя!

– Не аллилуйя, а Юлия, попрошу!

– Ах, Юлечка, простите нас великодушно, еще по сто бы!

Откуда-то из недр за прилавком появилась неюная, но весьма еще симпатичная Юлия, пошарила по шкафу и достала Клюковку, мужчины еще больше расплылись в улыбке, и их красные щеки и усы широко растянулись в стороны, а глаза прищурились, как у котов после обеда.

– Всё?

– Пока всё, прекрасная мадемуазель!

Интересное начало для конца, обстановка вокруг позитивная, располагающая... Вот и она. Даже не опоздала.

– Ну, привет, что будешь?

– Мороженое и чай, ты уже давно пьешь?

– Всю жизнь, как себя помню!

– Ты меня зачем сюда позвал, прощаться или снова поюродствовать?

– Я еду туда! – понимаешь? – город детства, оставшиеся кармические долги, то се, я совсем не хочу, но меня убеждают, что я обязан так поступить. Мне кажется я оттуда живым не вернусь, а мертвым и тем более.

– Ну что за бред, допился до паранойи?

– Нет же! Наоборот, пытаюсь от нее протрезветь.

– И разве помогает?

– Нет, ничего уже не помогает. У меня странные ощущения, я думаю, что пишу роман, который не закончу.

– Так, думаешь или пишешь?

– Ну я не могу писать не прожив сюжет, считаю фантазерство непростительным – вот и пишу каждый день по чуть-чуть, а разве такой роман можно окончить?..

– А такой как наш?..

– ... Я промолчал и допил свой стаканчик.

– Я порой пытаюсь проскользнуть будто между двумя огнями, но эти оба огня – один, потому тяжело. Я хочу освободиться от своего героя, который в моем романе пишет этот же роман вместо меня, я несвободен от него. И он же участвует в нашей истории. Это он хочет сманить сюжет в свое русло, и даже сейчас, вот.

– И что же сейчас он хочет изменить?

– Как обычно, всё! Провести тебя через все свои художественные горнила и замыслы, а потом доведя до финала, оборвать эту историю, и только тогда оставить меня один на один с

произошедшим. Получив свое, он бросит меня, как и я брошу тебя через него, а потом буду лезть на стену от ужаса на оставшемся пепелище. Я так это понимаю. Но он сильнее меня в своей жажде, благородной жажде смысла и финала всех историй, он боится жить “в продолжении”, он служит некоему “завершенному, телеологическому времени”, он страстно стремится к конечности формы, как к осмысленности происходящего сюжета, он слуга финала, он не знает вечного становления! Ведь роман хорош финалом, а жизнь продолжением, правда ведь?

– А ты ее знаешь – жизнь? И разве вообще можно ее познать?..

– Вспышка и финал с феерией или работа, ежедневная кропотливая работа, вот две жизни и разве ты точно выберешь последнее?! Все, конечно, зависит от чувств, которыми ты одеваешь свой сюжет, ты ж понимаешь, что немыслимое может оказаться пеплом от сигареты, не более, и наоборот – вот в этом окружающем, простом и повседневном может быть целый клубок смыслов: вот та девушка например, кого-то ждет, но на самом деле, конечно, не ждет, потому что знает, что это невозможно, то есть ее ожидание, это просто, теперь, как образ жизни, а вот тот дядя он свое отждал давно уже, и возможно дождался, но вряд ли рад этому, потому явно злоупотребляет, как и его веселый собутыльник, и так далее, бесконечно!..

– А ты? – ведь, я понимаю, вопрос в тебе, ну всегда же вопрос в тебе, причем тут все это многообразие и вся жизнь вокруг и я, ведь ты-то жизни и не приемлешь, подсознательно уже боишься когда жизнь становится настоящей, а?

– ...я не могу без тебя, но мне нужна не ты, понимаешь?! Не в смысле другой женщины, а в том смысле, что – сюжет, ты – сюжет, без тебя все окончательно остановится, но сюжет требует действия, а ты этого не понимаешь, вернее понимаешь слишком по-своему, потому я этого не могу вынести и хочу все закрыть, книгу, отношения, память, всю жизнь, но это невозможно, потому я тут и ты тут, и мы...

– погоди, я тут, чтобы понять что происходит и чего мне ждать от тебя, а не для того чтобы выписывать твою следующую страницу, да какого хрена?!

– Прости, да это как-то неправильно и несправедливо по отношению к тебе, ни один из миров не должен вмешиваться в жизнь другого – это правило хорошего тона в мироздании! Ты имеешь полное право уйти и даже не прощаться и не объяснять ничего, но может мы можем как-то подружить эти миры?

– Что ты имеешь в виду?..

– А вот посмотри, видишь расписание, вот, через... м-м... 15 минут поезд в Выборг, ну а вот через полчаса в Хельсинки, может просто сядем в него и *voila*, вот оно настоящее и вот оно движется!!! А?

– Ну, ты даешь!.. Нет, ты не уйдешь из моей жизни так просто, ты сумасшедшее чудо, загран-паспорт я не ношу с собой, так что пока что можем в Выборг, а там посмотрим, как эти твои миры поведут себя дальше!

(29.10.07)

Расстояния

Расстояния придуманы, чтобы чувствовать себя во времени, чувствовать себя смертным, и чувствовать себя одиноким, весь принцип мироздания построен на этом!

Ты всегда только САМ преодолеваешь эту пропасть между двумя “домами”, хотя домом ни является порою ни одно из них, но это место, эти места, это множество мест становятся “домом” в силу того, что сознание там концентрируется по иному, нежели в “дороге”, а это так ему порой нужно.

И люди, подобно птицам делятся на перелетных и оседлых, в зависимости от их особенностей восприятия времени. Оседлые птицы придумывают разные странные науки борьбы со своими привязанностями и страстями, но при этом так и остаются привязанными к одному

месту всю жизнь и не испытывают настоящих страстей. Другим же такие науки не нужны вовсе, расстояния делают их другими, или будучи уже “другими” они становятся перелетными, вечными кочевниками, ведь настоящие страсти всегда в пути.

Я могу не дойти, не доехать, могу попросту не успеть!..

– Когда ты смотришь на меня я не верю в иное, “иное” времени, “иное” пространства, “иное” чувств... Но кто я, когда тебя нет, когда я тону в многообразии этого "иногo", служу ему безвольно и не вижу тебя?...

– ...

Но если каждый для каждого ИНОЕ, как же понять бесконечно тянущуюся цепочку иного иного? Где предел зеркального коридора уводящего в полнейший мрак теряющих ясность отражений отражений? Кто мы друг для друга: чужие, свои, иные с бесконечно меняющимися лицами и смыслами наших столкновений в этих отражениях. Иное другого может оказаться моим иным, или просто моим, и тогда чудесно и стихийно складывается история. Чья она?! Моя, твоя, наша, кого-то еще?..

Мы движемся внутри времени по чуждому пространству расстояний, от глаз до глаз, пытаемся не пропустить детали, ни одной детали. Чтобы потом в один и тот же момент осознать – **НЕТ БОЛЬШЕ НИЧЕГО!**

И в холоде и ужасе огромного космического пространства одиночества есть только один способ удержать мир от окончательного распада на атомы – зацепиться за единственный взгляд и остановиться, остановиться и просто долго молчать, и лишь потом понять выдыхая счастливо: **БОЛЬШЕ НЕТ НИЧЕГО ИНОГО, ДРУГОГО, есть только Ты!**

(19.03.08)

Декорации

Декорации вокруг были двумерными, казалось их даже можно было свернуть как большой пестрый ковер, но стоило уменьшить расстояние от них до воспринимающего сгустка, навести фокус, как появлялись их некие качества, похоже даже, они реально существовали, они оказывались то резиновые, то поролоновые, то вдруг разрежаясь, они превращались в запах дыма, в привкус соли, а то вдруг, и вовсе, смешивлись в один закручивающийся воронкой градиент, уходящий на самое дно в безымянный субстрат, который снова и снова обретал новую форму.

И я узнавал себя в только что минувшем мгновении, и в мгновении, минувшем до этого мгновения, и так далее, как в зеркальном коридоре, уходящем в непроглядность. Я мог легко прерывать это и забывать с той же легкостью и скоростью мгновений; но узнавая, я каждый раз видел что-то новое, а забывая, я все время видел одно и то же или ничего. Множество самоидентификаций разложенных на полочки, как если бы цепочку времени представить в виде стеллажа в костюмерной, были тоже декорацией, тоже двумерной, хотя каждое "воплощение" могло сознать и постигать себя, или правдоподобно играть это, а потом назвать "твоя жизнь".

У меня, как директора этого театра была возможность складывать и раскладывать вновь "себя" и "не себя", перемешивать как колоду, как недорисованный мультфильм, вот я и мешаю субстрат все быстрее, пытаюсь углубить воронку в кофейной чашке, чтоб потом только заглянуть на дно и быстро выпить.

Краски меняли свою концентрацию, сползая то и дело в монохромность глубокого сна, я шел и прикасался к холодным рукояткам – все двери были открыты...

Я мог выбирать, но не хотел, я лишь смотрел по сторонам и шел дальше.

Волны форм пытающихся быть реальностью, разбивались о железный занавес закрытых век. Разлетались лишь брызги рисующие фрагменты или ощущения от них, соединяющие порой несоединимое, они смешивали свои краски со смыслами, одушевленное с неодушевленным, так, что искры порою пронзали и сам занавес, подкрадываясь к самому центру нестерпимо-жгучим, словно факел, желанием открыть глаза и бежать сквозь все преграды, обнимать каждый штрих незнакомого города, который был в тот момент ею, а в следующий, он уже менял лица, как дерзкий юноша-поэт меняет своих муз.

Но занавес становился всё свинцовее и серее, погружая героя в его излюбленный “сон на карусели”.

Дороги разбегались во все стороны словно потоки из раны, мокрый узел с песком трещал затягиваясь все туже, то что мы встретились именно здесь было предсказано, выверено той странной логикой, складывающей гештальты и истории, связывающей ни о чем не подозревающие лоскуты в крепкие капроновые нити, неумолимо приводящие сюда.

Мы могли не смотреть друг на друга, лиц могло не быть вовсе или они могли быть другими, или меняться со скоростью тающих сигарет или глотков вина, мы были здесь, присутствовали в этот момент в этом странном зеркале, словно отражение в проехавшем мимо автомобиле, где мы были всегда вместе, узнавая свое время каждый раз, и каждый раз глядя сквозь игольное ушко видели там огромный клубок нашей истории, мы могли даже не разматывать его и не вытягивать наружу, мы просто знали, что здесь так было всегда.

Кажется, сейчас мы одновременно проявились из нашего локального псевдо-небытия. Еще кофе. В руках и в центре груди появился знакомый холодок и дрожь, словно неощутимые вибрации времени ставшие вдруг видимыми, как сигнал для лисицы о надвигающемся пожаре, как условный стук в окно “здесь-сейчас-да!”, “тук-тук-да!”.

Мы танцуем, Nouvelle Vague, внутри даже не музыка, а звенящая тишина, миры, которые раньше лишь пересекались как глаза в проносящемся потоке толпы, вдруг научились сосуществовать, взаимопроникать и радоваться один другому, и, хоть и оставались недоступными в своей полноте, словно мир кошек и мир людей, но соединились теперь неразрывно.

Даже когда мы покинем это место максимальной концентрации, выпутавшись из тугого узла, добежав до безопасной опушки леса, то обнаружим себя одним плотным полотном, одной гремячей смесью ничтожащей окружающее ничто, отрицая отрицание.

Всё видимое разлетается как искусственный снег с карусели после съемок сцены, медленно и мягко кружит облако, в котором так и остались стоять позабывшие роль актеры, время вновь начало движение, но уже в их собственном направлении или рассеянии, готовясь к долготе и протяженности дороги, но не от будущего к прошлому, а от настоящего к другому настоящему.

Я поднял глаза от кофе, закручивающегося воронкой, и сквозь пену и дым разглядел буквы: “ПОРА, ОНА ЖДЕТ!”.

(03.08.09 – 11.08.09)

Цифры

Заполнять свое время Историей – привычка или уже ритуал, даже обычный вечер наедине с собой, без ожиданий и мыслей, погружая минуты в клубы дыма от сигарет на кухне, самой простой историей, как если бы кто-то сейчас описал цвет обоев и пола, светотень предметов в перемешку со шлейфом ассоциаций – ах всё это подсознание – и всё это омертвевшее нагромождение, разрозненное и разряженное, оно приобрело бы узорную вязь и безусловную

весомость и смысл! Кажется об этом писал еще Сартр, но раз это не формула и не закон тяготения, то можно это освежить и в своей памяти – лишним ведь не будет.

Но увы, среди сегодняшних гостей не было того самого художника, того отражающего двойника, очаровывающего строй и ход вещей и секунд, и никакое актерство не в счет, даже самое безобидное – а изобразите что-нибудь из раннего, ах, какой он милый, и этот максимализм и ритм, а про Испанию, ах!...

Тут скорее бы подошел карандаш, или нет – лучше тушь, которая как под печатью канцелярского делопроизводителя ложится безкомпромиссно и безапелляционно, не оставляя ни малейшего выбора, сомнения или пространства для полета, словно точка в конце слова, и следующего слова, и снова точка. ТОЧКА.

Тогда бы волшебный стробоскоп просто нарезал бы нужное количество картинок по формату, сложил бы их в стопку на столе, а я, пересчитав их, мог бы с чистой совестью идти спать, спасибо за вечер, да, приходите ещё, нет уж, теперь вы к нам... И ни одного ни загнутого уголка, ни жирного пятна от пальцев или капли пролитого вина, ни малейшей ниточки, за которую можно было ухватить ушедший вечер, и потянув, найти тот самый узелок не дающий покоя.

Объявили следующую станцию, главное не заснуть в эти несколько минут, как случилось как-то, и не проехать мимо. Двери распахнулись, тишина на 5 секунд такая же, что и была здесь до нас и поезда, потом привычный грохот и лязг, электричка исчезла, оставив меня на перроне, снова тихо. Привокзальное кафе, а вернее единственный на весь поселок ларечек с четырьмя столиками, горячим кофе из пакетика и водкой, да и вокзала-то нет, лишь вечно закрытый вагончик с билетами – поставили месяц назад зачем-то, да замурованная, словно образец древнего зодчества избушка начальника – прямо, минималистический музей под открытым небом. Стаканчик кофе и пирожок, деревянные лавки, молчаливые посетители смотрят что-то в рябщем телевизорчике, очередные страшные новости из ниоткуда, из того, несуществующего мира, я допил и вышел – мне еще работать весь день. Нужно просто провалиться в событие.

День прошел как и положено, без рефлексии и лишних мыслей. Вышел – выдохнул. Гул и огни завода остались где-то за дорогой. Снова темно, морозно, заснеженный полуста-нок, почему-то звенят последние позывные шлагбаума, как если бы моя электричка уже ушла, странно, ведь еще 5 минут, подхожу к расписанию, нахожу свою цифру 50, но она исправлена черным маркером на 45. Шлагбаум утих, и вместе с этим прощальным звуком стремительно наплывала иная картина мира, всего 5 минут моя электричка удаляется от меня с постоянной размеренной скоростью, я всего в часе езды от города, но о нем здесь больше не напоминает ничего, и связь с ним только что уехала прямо из-под моего носа.

Пресловутая цивилизация, как мы бежим от нее порой – как от главного врага! А ведь мы сделали всего только один шаг от глухой дикости, от непролазной топи бессознательного первоначального хаоса и безнадежно дикого не-человеческого состояния. И это просто маленький шагок вперед, и его так просто вдруг ненароком случайно или по-пьяни сделать в обратную сторону.

Наверно если б не тутошний завод, это место давно бы стерли с карты и забыли: несколько почерневших деревянных домов, руины заброшенных советских строек, все оставлено навеки, застыло во времени, брошенные декорации никому не нужного фильма, и ни одного актера, тут бывают только грибники, да иногда приезжие полонники за экстримом. Теперь тут я, и я уже никуда не спешу. Снова подозрительная тишина...

Я стою и не знаю на какой стороне от занавеса я нахожусь, наверно тут в этот момент не было ни одной из них, и занавес заменили лишь сухие цифры, написанные чьим-то марке-

ром на доске расписания, они как утраченная последняя надежда, последняя связь с "большой землей".

Снова рябящий телевизор, кажется, те же посетители и также тихо бурчат о своем или молчат, присаживаюсь к краю стола, в моем стакане уже не кофе, а обжигающая горло водка – мне ведь не даром подарены полтора часа. Утром я будто что-то тут забыл или не успел что-то понять. Я уставился как и все в телевизор, теперь из него слышалось только тихое шипение и только сплошная рябь, больше не было ничего, ни там, ни тут, нигде.

Может я единственный, кто это заметил, а все остальные продолжали верить в потусторонний мир и тщетно пытаться убежать из своего посюстороннего через это мерцающее окошко? Я допил и быстро вышел на морозный воздух.

Если бы кто-то смог описать все это, нашел бы себе фантастическую, царскую позицию наблюдателя, зрителя, рассказал бы об этом утре, дне и вечере, то текст бы как вакуум всосал в себя читателя или слушателя, об этом только и мечтающего, заставил бы слышать эту тишину, чувствовать заброшенность и ужас бытия – все как у классиков – и как ополоумевший декадент-экзистенциалист упиваться этим кофе в ларечке, как единственным источником истины для обмельчавшего современного мира, обследовать с теплого дивана неведомую планету, где тебе еще предстоит выжить, отработать очередной день и если цифры снова не подведут, вернуться обратно на следующей электричке.

(07.03.10)

Туман

Утренний яд, бывший когда-то хмелем, рассеивался с каждым горячим глотком, чтобы в следующий момент снова сгуститься как молочный утренний туман, что сначала кажется непроходимой стеной, но с каждым шагом впускает в себя, как мудрость впускала Сократа в его круги познания. Он приоткрывал лишь место для следующего шага в неизбежность фатума, где еще через шаг вновь разворачивалась бездна непознаваемого хаоса.

Рядом с вокзалом люди другие. Они все подозрительные – об этом тут так и твердят отовсюду – они все опасны, ведь в уме любого обязательно промелькивает: "каждый может оказаться вооруженным маньяком или террористом опасным для общества!". Здесь люди проходят важный тест, проверку на неприметность, обычность, трезвость и простоту – ох, как тяжело он иногда дается! Но не смотря на внешнюю строгость, здесь самое место и вольному философствованию. Конечность человеческой жизни, пространство и время, открывающаяся напряженность пребывания сознания в каждом мгновении, придающая безмерный смысл каждому вздрагиванию секундной стрелки на больших вокзальных часах, трагизм, лежащий отпечатком на безжалостном лице расписания. И вот когда ты, находясь в этом подвешенном, свободном от всей мирской суеты пограничном состоянии уже готов к открытию, и ранимая душа вот-вот отправится в медитативный трип через незнакомые станции в другое состояние, у тебя непременно кто-то строго спрашивает плату за проезд...

Я опоздал. Кто посмел бросить вызов фатуму?! – лицо исказилось яростью, трещины на серых стенах в миг прекратили шепот и возню, все стали по стойке смирно, стрелка забуксовала на месте, делая шаг вперед и тут же возвращаясь назад. Кто ты, небрежно проспавший свое время?! Кто теперь заплатит за пустое место ушедшее в небытие? – гневный голос сотряс воздух.

– Чьи глаза способны заглянуть за порог тумана? (и был ли тот поезд вообще? – я ведь не могу теперь этого проверить...) – мои слова зазвучали столь нелепо в пустом пространстве, я

один посреди высокого зала перед табло расписания в воцарившейся немой паузе, я чувствую несколько десятков глаз, вперившихся в мое ничтожное существо.

– А что вы удивляетесь, молодой человек, мы мастера уже третий день ждем, чтобы эти часы отремонтировать, а то они на 9-00 всегда застревают, да и ходят как им вздумается, то быстрее, то медленнее. Он вот тоже, как наверное и вы, где-то в тумане запропал, – из ниоткуда вдруг вынырнуло сначала только большое круглое лицо тетки с красно-напамаженными сморщенными губами, потом и громоздкая фигура в непонятных, будто карнавальных погонах и со свистком на шее, как носят школьные физкультурники.

– А кому же тогда верить, позвольте спросить?.. – попробовал я нарушить паузу.

– Конечно, голосу! Вы что глухой?

– Пока нет, спасибо за беспокойство, хотя какая теперь разница – я опоздал на свой поезд.

– Вы так можете и на следующий опоздать. Слушайте голос!..

Тетка исчезла так же внезапно, как и появилась.

Пожалуй нужно раздобыть еще чашку кофе и растянуть на полтора часа ожидания до следующего движения руки, бросающей шарик на эту рулетку. И следить, скрестив пальцы и затаив дыхание, как он кружится замедляясь – чтоб только выпал на меня в этот раз! Ведь с вокзала нет другого выхода, только сесть в промозглый вагон, покатиться по холодным рельсам и продолжить скромно пробираться сквозь туман, не пытаясь больше расширять круг познания, дабы не расширить и без того необъятный круг незнания.

(15.02.08)

Метаморфозы

1. Метаморфозы-с
2. Шар
3. Инструкция
4. Куб
5. Шары
6. О том как
7. Сенсация
8. Рюмки
9. Можно, всего лишь снимок? Just One Shot
10. Рассказ "Да или Нет?"

Метаморфозы-с

Страннейшая, признаться, история вышла с Патрикеем Афанасичем. Одним утром его разбудили очень непривычные ощущения и неприятный шум. Шум был вроде как не вокруг и не из окна, как если будят тебя по утрам шумный сосед или извозчик, а вроде как изнутри, если так еще можно было выразиться. Ведь проснувшись окончательно, Патрикей Афанасич обнаружил себя в совсем неприличном состоянии: он был не телесным, полным, с радикулитом и служебными обязанностями существом, коим привык себя воспринимать и мыслить, а неким невнятным звуком. Да, да – звуком!

Он совершеннейшим образом не мог теперь понять, как ему дальше существовать и двигаться, ведь то, с помощью чего должны передвигаться двуногие прямоходящие, решительно не обнаруживалось в том, что было наличествующим у него нынче. А все имеющееся разительно отличалось от всего доселе ему знакомого, и не напоминало ему даже отдаленно о чем-то человеческом. Пространство ему теперь было чуждо и необязательно, был возможен только отсчет времени, и он с тоской поглядел на часы.

То есть, об обыкновенном походе в контору на службу придется забыть, а уж объяснение, сложившееся сразу в его голове было до безобразия нелепо: мол, превратился с утра не весть во что, вследствие чего ходить разучился совершенно. О! А они в ответ: "Звуковая каша, говорите, уважаемейший? Ну так и чудесно, ведь для приема посетителей вам ничего больше и не надо! Если так разобраться, то вы и до того были, так сказать, не многим отличны, да, да, каша! Звуковая, причем!".

– Позвольте, не каша, а сгусток, это как-то благороднее! – парировал он мысленно.

Патрикей Афанасьевич заволновался, нужно было во что бы то ни стало идти в контору, ведь было уже полдевятого! Но тут мысли о том, кто или что же он теперь, превратились в более страшный вопрос – а был ли он вообще раньше кем-то иным, и если да, то кем или, даже хуже – чем? – а потом, вообще, было ли какое-то раньше?..

Ну рассудить видимо нужно так – если у меня есть работа, значимость и уважение в обществе, значит был, был, и точка! Не могли же они ценить всю мою жизнь во мне какой-то там звук?! Кстати, а может я помер ненароком? Так, что я ел на ужин, не отравился ли чем? Ну уж нет, рассуждать-то я могу, голова ясная, ммм... простите, головы никакой нет, ну разумение-то осталось, значит не помер, да и всякой заоблачной мишуры вроде нет вокруг, о которой пишут в страшных религиозных брошюрках, значит, живой – как есть!

В крайнем смятении и отчаянии, близком к панике, он попытался сдвинуться с места или как-то измениться хотя бы, чтобы все-таки отправиться выполнять свой служебный долг.

Ничего не получалось – "кашица, да и только – натуральная!" – подумал он с горечью. К тому же звук, который он издавал, вернее, которым он собственно являлся, был настолько неблагозвучен и невыносим – он более походил на бурчание где-то внутри живота – что он пришел в совершенное бешенство. Надо хотя бы научиться менять высоту тона или, если получится, сбуркиваться и сбулькиваться в членораздельные слова, например:

– Добрый день, чего желалось бы, сидите-сидите, заявления не принимаю более, обед, что вы, что вы, Петр Филимонович, для вас все что угодно, заверьте-с росписью-с и печатью-с. Великолепно-с! Метаморфозы-с.

Полегчало вроде, ну так уже можно как-то жить, вот только б научиться перемещаться по улицам. Но тут вдруг снова страшная мысль поразила его больное нечто: ведь если он звук, то стоит только ему выйти или вылететь на улицу, где как известно, звуков множество – как то, что теперь является им, может стать и вовсе не им, а скажем, машинным выхлопом или руганью дворника, или еще того хуже, свистком городского. Последнее его напугало более всего. Ну представить только, придешь в контору, и на тебе, вместо отретпетированных фраз, свист! Позорище какое! Но чем все это было по сравнению с тем, что он мог просто раствориться, затихнуть и, соответственно, исчезнуть с лица земли, а лучше сказать, из ее ушей.

– Но с другой стороны, может и лучше в таком бедственном состоянии затихнуть навсегда и исчезнуть?...

– Ах, прослезился, если б смог! Ну хотя бы побурчу еще!

Стоп, а если меня кто-нибудь услышит, это ведь могут и в холуи забрать или в циркачи, не приведи господи, да еще и перевернут небось! Нет уж, я не только останусь тут, но и урчать буду тихо и исключительно, так сказать, для собственного душевного равновесия. И прощай, карьера.

(19.04.2005)

Шар

В эту душную июльскую ночь ей особенно долго не удавалось уснуть, ее беспокоил шар. Он скользил по безнадежно-бесконечной невидимой поверхности, быстро вращаясь, хотя вращения видно не было – он отблескивал совершенно одинаково со всех сторон, ведь у него и не было сторон, кроме одной – вращение лишь ощущалось ею изнутри.

Она попыталась мысленно управлять им, остановить его, или теперь уже вернее будет сказать, остановиться хоть на мгновение, ведь она уже была неразрывно с ним связана, в это мгновение она бы успела освободиться от навязчивой призрачной яви и уйти в не менее призрачный мир подобия смерти – долгожданного сна. Но она все скользила и скользила, а он все кружился, кидая ее то и дело на растерзание ее главного ночного страха – падения вверх. Шару-то все равно, где верх, где низ.

Вдруг шторы зашелестели, поднялись будто кто-то с ней играл в привидение – это в распахнутое окно влетел еще один шар, чуть меньше чем ее шар, и не целясь, ударился в тот первый. Она было обрадовалась, что, наконец, ее шар остановится от столкновения или может даже расколется, но вместо этого, она оказалась сверху этого меньшего шара, вернее одни только ее ощущения оказались – она-то продолжала ворочаться на горячей влажной кровати – и теперь она кружилась еще быстрее на нем. Но "Капитошка" на этом не остановился, неосязаемый огромный ребенок продолжал складывать свою сложную пирамидку из шариков, такое вряд ли было под силу взрослому. В окно залетел еще шар и еще, и все меньше и меньше, и она перепрыгивала на них по очереди и кружилась все быстрее и быстрее, и уменьшалась вместе с ними в размере пока не превратилась в едва различимую точку, невыносимо распираемую изнутри самой себя.

А может просто изменился масштаб, как тот, что написан в уголке школьной географической карты, висевшей у нее на стене, а кто-то подошел с ластиком и давай стирать нули? Ведь если любой человек, будь он даже учитель географии или физики, представит вдруг себя один на один, сильно увеличенным, в соотносимом масштабе с бесконечной Вселенной или наоборот, Вселенную, уменьшенную до его размеров, будто совсем только что начавшую расширяться из точки – то он наверняка бы растерялся и изрядно удивился, как и она вот теперь.

Так наступало для нее совсем иное утро, и она была теперь везде и нигде одновременно, и где солнце только вставало и где оно уже садилось, и где было все время в зените, и где солнца не было вовсе, и где-то еще, но осознавать все это она уже вовсе не хотела, да и не могла. Кажется получилось уснуть.

(28.06.2004)

Инструкция (по использованию)

И как только мир дожил до сего дня, не имея ни малейшего представления о смысле и назначении человеческой жизни на земле и цели ее истории?!

Хотя, может он и живет до сих пор именно вследствие своего этого незнания и в столь плачевном состоянии находится тоже по этой причине? Может обстоятельства непростых мировых взаимоотношений мистической силой всю современную историю специально усугубляли в одном только слепом неосознанном ожидании единственного открытия, фейерверка смысла и преобразования, а все наиболее проекции ни разу, поэтому, и не воплотились?

Страшно подумать, какого масштаба выводы рвутся в голову! – подумал Спиридон чуть сминая от накатившей внезапно страсти брошюрку формата А5 в крепкой руке, – а ведь все так просто, что даже я, не имея специального образования, могу понять и глубочайшим образом прочувствовать это всем своим уставшим от бессмыслицы нутром. Сколько лет я, затаившись, молча улыбался, всем понятно, по-простому так, что бы не происходило и не пыталось раскатать лодку моего самочувствия и графика, а ведь не просто так улыбался – получается, ждал, и ждал этого самого момента, верил, что жизнь рано или поздно перевернется, что может и должно так сильно все измениться, что все прошлое покажется детской забавой, неосмысленным лунатизмом, потаканием телесному примитиву, природному строю. Эх, надо же!

Даже смешно: на вид она похожа, как будто, на инструкция от стиральной машины старой какой-нибудь и такая же местами пожелтевшая, местами посеревшая от влаги, ее и потеряли, небось, так же точно, сразу, просто завалилась куда-то и забылась. И написана она вроде по-русски, но очень смешно, нестройно и с ошибками – явно переведена с китайского китайским же переводчиком, как на всех товарах. А у нас ведь как принято: мы все "сами с усами", не дураки – и без инструкции разберемся, она и не нужна вовсе; а если чего сломается, так инструкция все равно не поможет, а мастер и так все отремонтирует без нее, ему она тем более не нужна; пока все работает, и жаловаться не на что, а что до особо любопытных – так это им в "кружок любителей" надо, а не народ смущать весь целиком; всегда найдутся свои диссиденты...

Налюбоваться не могу: сколько ж ей лет уже, такая благородная пожухлость, потемнелость, даже открывать не хочется, так бы и смотрел сверху на обложку. Ну что я говорю? – конечно хочется, но ведь она уже у меня в руке, поэтому с пристальным чтением можно повременить и растянуть приятный момент предвкушения пока что. Истина никуда не убежит – не заяц, а основные мысли я и так уже, чуть пролистав, понял.

Теперь я многим, если не сказать, всем могу нос-то утереть – контраргумент имеется, сударь! Я вам и античность теперь, и темные века, и весь ваш современный этот пост... – прастигоспади – "пост-пост" этот и истолкую и опровергну в два счета.

Уму не постичь, не верится! Нет, давайте-ка по порядку: я пошел с утра на работу на наш рядовой оптовый склад на самой черте города, так что дальний его край, что с туалетами и курилкой, получается уже за чертой – но какие это теперь несущественные мелочи, так вот, и там случайно я... ну нет, случайностью это быть не может, она меня может всю мою жизнь там ждала и дождалась, просто, я там за старыми какими-то стеллажами нашел – не много не мало – *"Инструкция по использовать назначение земля и жизни сверху на нее как"*! В общих чертах ясно, что это инструкция по смыслу и назначению жизни на земле, а не сельскохозяйственный какой-нибудь букварь. До сего момента никто не обладал еще такой удивительной вещью, где бы в сжатой понятной форме для конечного пользователя излагалась бы главная истина жизни, ведь если бы кто обладал, то уж наверняка бы об этом всем рассказал. А расскажи он, его бы давно отправили на тот свет и дело с концом: *"Уходи прочь из наших земель и не смей тут проповедовать свою новую истину, нам и так хорошо, а если не хорошо, то уж мы так привыкли..."* – или что-то типа того уже было в Библии, и история там не очень весело окончилась. Стоп, так дело не пойдет – меня в пророки и, уж тем более, в мученики, никто не уполномочивал, да и желанием я не горю, так что, увольте-с! Я вам все тайны жизни, а вы меня в тартарары? – нет уж!

Конечно же, я дальше пойду: я не стану вам все козыри свои выкладывать – залежалую-то долгожданную архаику свою с китайской жемчужиной внутри не покажу никому, я лучше сам начну в таком же духе. Буду писать инструкции по образу и подобию, может и с продолжением, подкидывать, так сказать, людям сенсации и свет надежды на дальнейший возможный прогресс. Простой грузчик со склада... – ан нет! Так, глядишь, и разбогатею, прославлюсь, можно и со склада уйти будет!

День этот для Спиридона весь прошел как в тревожном, но счастливом сне, он все представлял себе мир мучимый жаждой, и тут он приходит и торжественно и бескорыстно открывает неиссякаемый фонтан, а потом представлял газетные статьи со своей фотографией, телепередачи, где он в одухотворенной задумчивости сидит на весь экран и ему задают вопросы: как мол, вы смогли на своем складе открыть такую простую и всеобъемлющую истину? А он и отвечает, будто оправдываясь: я к этому шел всю жизнь, – а самому не по себе что-то, ведь он не сам открыл истины-то эти, а только нашел все готовенькое, а потом всеобщие бурные аплодисменты, и снова на душе блаженство. Так волнение разобрало его под вечер, что сон тут же и подкосил, а книжечку свою даже и почитать не успел, положил только любовно рядом с кроватью.

Проснулся он на следующее утро, смотрит, а на столе рядом с книжечкой этой стоит бутылка с прозрачной жидкостью, а на ней надпись: "Выпей!". Ну он и выпил, честно сам всю одолел. Дальше туман, туман, что-то еще, темнота, снова просыпается утром, а на столе снова бутылка с той же жидкостью и такой же надписью. Ну снова выпил, и снова туман... Когда на третий или пятый день он пришел в себя, бутылки, к счастью, уже не было, надписи тоже, но и инструкции тоже не было.

Он обшарил всю квартиру, сумки, карманы одежды – ничего. Жестокая абстиненция сменилась паникой, даже слезами, руки не слушались, сердце выскакивало, он задыхался от волнения и жара, потом похолодел, и полился пот, он так и обмер, хотел заснуть обратно, чтобы не ощущать этой страшной утраты, но не тут то было, все тело трясло, голова отваливалась, тошнило. Он попытался вспомнить хоть что-то из прочитанного, но, получается, он и прочесть-то ее всю не успел, полистал только и отложил на потом – куда, де спешить? – в голове теперь было пусто, страшно и стыдно от осознания произошедшего.

– Ну что же ты, народ-богоносец? – давай, вспоминай! Ничего... Вспомни хоть что-нибудь, хоть чуточку! Тишина... Только все время в больном туннеле сознания промелькивала

одинокая никчемная мысль о стиральной машине, а за ней тянулся гулкий с невыносимым тарахтением шлейф.

И вдруг в болезненном сознании проступило: "А может это и есть весь тот долгожданный смысл, все предназначение, вся бесценная мудрость: мир – стиральная машина?..."

Куб

Он долго думал, предаваясь поочередно то скуке и тоске, то ностальгии с привкусом детского ожидания, и решил наконец послать по почте сам себе посылку. Посылка – всегда радость, в отличие от письма. Сколотил коробку, запаковал в нее Содержимое, тщательно закрыл, сверху сопроводил коробку надписями со строжайшим предостережением и требованием: "Осторожно!", "Не нарушать упаковку!", "Не переворачивать и не бросать!". Пришлось заплатить кучу денег за ее транспортировку на почту, ведь коробка получилась очень тяжелой.

Довольный он вернулся с почты домой и начал ждать. Прождал неделю, и когда наконец получил почтовое извещение о прибывшей на его имя посылке, поспешил вновь на почту. Широко улыбаясь, он протянул помятый бланк в окошко. Три работницы почты недовольно бурча что-то себе под носы еле-еле подняли и поставили увесистую коробку перед ним на стол. Вот он, настал счастливый момент получения долгожданной посылки! Он тщательно осмотрел, все ли в порядке и убедившись, что коробка целехонька, удовлетворенно похлопал по ней и расписался где надо, в двух местах.

Он заказал машину и привез домой полученную бесценную коробку с Содержимым. С великим трудом и пыхтением, отдыхая на каждом лестничном пролете, он поднял ее на этаж, щелкнул замком и словно тараном распахнул перед собой двери квартиры своей ношей, поставил ее посредине комнаты. Когда захлопнулась входная дверь, он взял большую монтировку и быстро и со страстью разломал конструкцию из хорошо подогнанных гладких досок.

Смахнув последние щепки с холодной гладкой поверхности, он немного отшел, чтобы поглядеть на идеальную кубическую форму только что вылупившегося объекта. Долго всматриваясь в него то с одной стороны, то с другой, словно художник, он обошел так его по кругу, потом еще раз в обратную сторону и наконец, воскликнул:

– На кой же хуй мне нужен этот куб?!...

(февраль 2016)

Шары

Петр Сиреневый стоял на остановке и смотрел вверх, и ему казалось, что снежинки, падающие ему на лицо, превращаются в шары и скатываются вниз один за другим, они были разного размера, всех оттенков белого, в них отражались с правого бока желтоватый фонарь у дороги, стеклянная стенка автобусной остановки, отражающая в своем прямоугольном мире весь скудный окружающий мир, окраина, два продуктовых магазина и перед ними как обычно свои изрядно возмужавшие Лелик и Болик, клянчащие мелочь на очередную бутылку, одинокие мамы с колясками, гуляющие вдоль шоссе, видимо в подспудном поиске своего запропавшего Лелика или, на худой конец, Болика, витрины, а в них отражающиеся окна, окна, окна домов напротив, этажи полные одинаковых занавесок, одинаковых мыслей, снов, ежедневно повторяемого набора слов на кухнях, в спальнях, меняются поколения как меняется освещение примерно после 6 вечера, сначала у всех свет в прихожей, потом на кухне, потом в спальне, потом рубильник щелкает, черные глазницы окон с синеватыми вспышками телевизора, и в стеклах отражаются шары, они разрастаются как голодные головы, и глотают с легкостью все окружающее пространство.

Петр не сопротивлялся и был проглочен. Изнутри шара был виден мир, весь благостный, белесый и влажный и ни одного острого угла. Петр решил не ждать автобус, тем более, что войти внутрь ему бы вряд ли удалось и покатился домой пешком. Невесомый шар, в котором сидел Петр Сиреневый, быстро набирал скорость, стоило ему только оттолкнуться торчащими наружу ногами.

У подъезда его ждал очередной сюрприз, надо было как-то набрать код на домофоне, сказать: "Это я!", войти в двери, подняться на лифте на 7 этаж, но наруже у него были только ноги, и в двери шар совсем не проходил.

Тогда Петр решил, что единственным способом попасть домой и немного поспать, будет опружинить посильнее, как мяч и подлететь до своего балкона. Но как отреагирует жена на шарообразное существо, отдаленно напоминающее ее мужа, которое стучится в окно 7 этажа – он боялся даже предположить...

Все исчезло, и изнутри шара осталась лишь белизна как таковая, совершенно непроглядная так, что сказать наверняка, шар ли это или что-то иное, было совершенно невозможно, даже звуки долетающие вовнутрь, казались белыми, круглыми и не связанными ни с каким источником, словно облака. Тут появился фонарь, заглянул ему в лицо и говорит человеческим голосом:

– Ваш этаж, дальше только на автобусе, ну же, Петенька, поехали! Шары это загадка – внутри них то же, что снаружи, а не воздух или пустота! Этого вам пока не понять. До свиданья, Петенька! Фонарь демонстративно погас. Но на его месте в центре этого округлого безобразия вдруг вырисовалась дверь. Петр Сиреневый, недолго думая, открыл ее и вышел.

Двери перед ним вдруг с шипением разъехались в разные стороны, из салона автобуса хлынул свет и подобие тепла, он помедлил еще пару секунд глядя перед собой и часто моргая, с лица стекали крупные капли растаявшего снега, и быстро вошел в салон.

(декабрь 2014)

О том как

Как квадратик не мог понять кружок и постоянно упрекал его в беспринципности, тот же, напротив, сознавая свою внутреннюю наполненность и гармоничность, улыбался и молчал, покатываясь.

Как два жучка говорили шажками и палочками, а поскрипывали серединкой, а когда окончательно запутывали друг друга, уходили с головой в свою непонятную работу и лишь иногда кружились и танцевали на месте и были похожи на горки посреди глади воды.

Одному человеку показалось, что глаза рыбы, которую он купил на базаре, это книга, он начал всматриваться в них желая перевернуть страницу и прочесть то, что видела рыба за день до этого на дне своего рыбьего моря. Всматривался, всматривался сначала в один глаз, потом в другой, пока рыба, собрав все свои предсонные силы и возмутившись, не укусила его за нос и не закрыла книгу.

Вадя начал гарцевать громко звякая и звонко цокая, так что окружающие подумали, что у него вместо ног пустые бутылки, и за ним прислали мотороллер "Муравей", чтобы сдать его в стеклотару, но они не отгадали, у него не вместо ног были бутылки, а надетые на ноги бутылки, словно на деревянный парусник, так что непонятным оставалось только одно – как он просунул ноги в такие сапоги?

Чем человек похож на пузырь, да тем, что когда смотришь через одно и другое, одинаково тускло, как в низкой избе.

Один человек очень громко шаркал при ходьбе, шаркал он настолько громко, что слышно было даже когда он не занимался ходьбой, а просто сидел на месте. С этим он смириться уже не мог и начал изучать свои ноги. Изучал, изучал и заснул, а когда проснулся, вместо ног обнаружил шарики и все сразу понял.

Василий Махоркин перестал быть Василием Махоркиным и изготовил себе грабли из подручных материалов, потом получившийся Семен Граблин перестал быть Семеном Граблиным и купил комод, в комоду у него тайно поселился Зигфрид Печкин, и когда Семена Граблина хотели положить в больницу, Зигфрид Печкин востепенулся и вообще исчез, а комод сгорел пустым. Василий Махоркин тогда, снова став Василием Махоркиным, закурил и крепко призадумался, хотя был ни при чем.

Мой друг Алексей Анохин вдруг оказался командиром Терентьевым, и началась совершеннейшая путаница: когда звали Анохина, обнаруживался командир Терентьев и не понимая разводил руками, а когда звали Терентьева, выныривал Анохин, как ни в чем не бывало, но так никто и ни в чем не признавался.

Петя ехал в автобусе, и когда его открытое окно поровнялось с водительским окном соседнего автобуса, он засунул палец соседнему водителю в ухо, тот водитель настолько перепугался, ибо думал в тот момент о змеях, что онемел и на следующий день уволился.

В коробочках жили маленькие, и когда они покидали коробочки, то коробочки пропадали, а когда вновь появлялись маленькие, то оказывались опять уже в коробочках. Хотя можно предположить, что коробочки – просто форма нашего восприятия маленьких, подобно кантовским пространству и времени.

В понедельник Коробов открыл дверь и обозвал Варвару сусликом и грязнулей, потом закрыл дверь и испарился, Варвара молча села на табурет и задумалась, во вторник открыл дверь и обозвал Варвару кулебякой, кубякой и недотепой, и тоже испарился, дар речи к Варваре вернулся в среду, собравшись с духом, она открыла дверь и побила Коробова штангенциркулем, после чего он снова испарился, так как съехал еще месяц назад, я отнесся к Варваре снисходительно и пошел сдавать бутылки, остаток недели прошел в коммунальной квартире тихо.

На огне стоял котел с непонятно чем, его распирало. Если бы у него были швы, то наверняка бы расползлись, и наружу бы поперло это его непонятно что, но он терпел. Валил пар, давление возрастало, температура опустошала его терпение – вот-вот взорвется! Он моргал глазами, если бы в его мире существовали цвета, то наверняка бы он показался красным, и все что в нем показалось бы красным, но цвета отсутствовали, было лишь непонятно что непонятного цвета и оно распирало само себя изнутри, как бедный красный котел. Потом котел все же выдавил из себя какие-то проклятия и ушел с семинара.

(20–21.04.2005)

Сенсация

"Сенсация! Невероятно! Как вы решились на это – впервые дать интервью? Мы так рады, вы – гордость нашей страны! Господин писатель, можно всего несколько слов для нашего изда-

ния? После вашего последнего романа прошло всего несколько месяцев, и вы уже объявляете о скором выходе новой книги, о чем она будет, может всего в двух словах? Как вам удается работать так быстро, вам помогает кто-нибудь, может это ангел или какой-то ваш друг писатель? Хотя бы приоткройте завесу, публика так взволнованно ожидает! Вы, наш кумир! Можно вас заснимет наш самый лучший фотограф? Нам так не хватает ваших фото, они так вдохноляют мужчин и волнуют женщин! Вы гей? Докажите, что вы человек, – мы уверены, что вы ангел или сошедший с ума бог! Вы за евро- или азио-интеграцию?...

Вы прошли какой-то важный для себя этап пути, а теперь начинаете новый, еще более возвышенный и прекрасный? Вы перешли на следующий уровень – что там? Вас называют самым влиятельным умом в нашей литературе, вам не тяжело все время нести такую ответственность? Почему ваши романы так безответственны и негуманны? Вам чужда светская мораль, вы приверженец какой-нибудь религиозной секты? Вы употребляете наркотики? Вы наверняка достигли просветления, вы бодхисаттва? Вы осознаете свою миссию или работаете для себя? Как вы считаете, какой ваш роман будут ценить дольше всего после вашей смерти? Вы тяжело больны? У вас есть последователи? Кого вы считаете вашим учителем или предшественником? Вы поддерживаете отношения с отечественными или зарубежными коллегами? Вы общаетесь с нечистой силой? Как вы относитесь к правительственному проекту глубокого рва вокруг российской границы? Вы за самобытность российского пути развития? Вы масон? Когда вы были маленьким вы уже знали, что станете писателем? Какое ваше любимое блюдо, а цвет? Вас больше всего вдохновляет наш российский хаос?

Как вам удается, будучи столь известным, оставаться загадкой и избегать все это время публики? У вас есть духовный учитель? Правда, что только в Тибете открываются тайны мира? Вам открыты тайны мира, поделитесь с нами? Вы психически нездоровый человек? Вам было откровение свыше?

Ответьте хоть на один вопрос, вы нас мучаете! В чем, все-таки, секрет вашей необыкновенной фантазии и высочайшей продуктивности, что вам помогает, как вам это удается?.."

– Я лгу.

Рюмки

– Мне, любезнейший, как обычно и только на начало – 300 капелек, пожалуйста. Тут ведь дело простое, надо карабкаться, не с первой попытки Эверест покоряется, вот и я за очередную попытку возьмусь.

– Как скажете, – бармен равнодушно, но слегка с опаской и наперед-укоризной глянул на нарисовавшегося за стойкой "альпиниста", – на закуску что-нибудь?

– Огурчиков.

– Я принесу за ваш столик, присаживайтесь, – он и вовсе обреченно отвернулся к шкафчику с бутылками.

– Премного благодарен...

– У вас можно присесть? – если не возражаете, – спросил "альпиниста" скрипучий пожилой голос. Грубая большая рука, костистые пальцы с неочищаемыми ногтями, в них граненый стакан почти полный – 150 значит, – роговые очки, растянутая бурая кофта на пуговицах, большущие дальнозоркие глаза.

– О, конечно присаживайтесь, ничуть не расстроюсь, наоборот, – Поликарп, кстати, – представился он будто сам себе, легким взмахом налил из графинчика первую рюмку. – Еще глоток, еще денек, – и опрокинул в себя.

Сосед в роговых очках не представился и отстраненно-молча отпил из своего стакана, потом коротко-пристально глянул своими большими плавающими рыбами глаз на Поликарпа и отвел взгляд.

– Ну как, чувствуете изменение? – Поликарп неожиданно заглянул в соседское лицо восторженно улыбаясь.

Сосед ошалело поглядел на Поликарпа и еще отпил. – Вы это о чем?.. – буркнул он.

– Как о чем? – ну вы же сейчас выпили не просто так, а с какой-то целью, вот и любопытно стало, достигли вы ее или пока нет.

– Какая еще цель от стакана-то?.. – недовольно удивился незнакомец, – вечерок после работы скоротать, цели не нужно, а у вас небось иное мнение на этот счет или цель какая?

– Да уж, имеется, еще какая! И цель непростая, не за раз дается такая цель, вот и пробую уж не один год.

– А вы юморист, я смотрю, – сосед приободрился – и какая же великая цель может тут быть, если не секрет?

– Был бы секрет, не разболтал бы. Все дело в памяти, моей странной памяти! Я открыл способ избавления от самого горького и тяжкого, что у меня есть, что висит на мне и тянется сзади как неподъемный черный шлейф и порой так давит на сердце и сжимает горло, что не вздохнуть... я конечно говорю о Прошлом, все что я помню с первого дня своей памяти, все это – непроглядное липкое как смола мучение. Но и это мучение было бы не столь безнадежное, если бы я видел хоть что-то, хоть малейший просвет впереди, в так называемом "будущем", но я его не вижу вовсе, ни на день вперед, ни на час, только проклятое Сегодня, как я добреду домой и свалюсь где-то в коридоре, уперевшись в стену полночи как в непробиваемый заслон на моем пути в хоть какое-нибудь завтра, потом сон как милость Всевышнего, подавание для нищего, сон слепой и тревожный, где только то же мучительное прошлое.

Так вот, я нашел лекарство: с каждой рюмкой, вся эта черная масса перетекает из прошлого в будущее и перестает быть такой уж черной, скорее, становится бесцветной, с каждой звонкой рюмочкой я помню меньше дней прошлого и вижу больше будущего, словно воздух, которым мне еще только предстоит дышать и жить дальше.

Он долил из графинчика в рюмку и махнул бармену, сделав круговое движение ладонью, означающее, "повторить бы", и идиотски улыбнулся.

Бармен наметанным взглядом сразу заметил его жест, к тому же поглядывал в его сторону уже давно. Он подошел уточнить, точно ли он понял, предложил съесть суп или котлет на закуску, но снова безропотно согласился на огурчики. Он попросил оплатить счет вперед и получив деньги, удалился.

– Вот сейчас, я уже вижу сзади всего лишь несколько лет, будто я мальчишка, за спиной которого так мало, но зато впереди, ух, – он глубоко вздохнул всей грудью и развел руки широко в стороны. Хочется петь от этого чувства!

Сосед быстро допил и судя по озадаченно-испуганному виду хотел было уже улизнуть от внезапно-говорливого Поликарпа, но вместо этого, он так же попросил хозяина повторить и на закуску заказал пирожок с "непоймичем", вернулся на место и дико уставился на Поликарпа. Всем видом он выражал только жадное ожидание и нетерпение, "ну, давай, давай дальше, не терпится!", в глазах был азарт и тоска, а где-то глубже, под выпитым стаканом вспыхнуло горькое понимание, ведь мало кого не тяготит его прошлое, особенно когда уже возраст, и когда впереди ничего не светит, кроме жалкой пенсии, да смерти.

Поликарп уставился в стол, и когда перед его взором нарисовался очередной графин, решительно налил себе и как полководец, уверенно подняв руку, отчеканил: "Вперед, только вперед к светлому завтра!", и опрокинул рюмку себе в глотку. Сосед послушно, словно загипнотизированный, отпил половину своей новой порции. Потом последовали еще и еще отпо-

лированные движения руками и ртом. Лицо оставалось таким же благородно-хладным, задумчивым и безгласным. Потом оно начало, будто потихоньку оттаивая, разгораться новыми неведомыми чувствами и оплывать.

– Я уже начинаю ощущать это, – чуть сбиваясь продолжил он, – я помню только сегодняшнее утро, я уже знал, что этот день будет особенным, что он принесет мне освобождение, я вижу назад только этот один день: рассвет, сереющий оконный проем, белесая занавеска, пустой стол спинка скрипучего стула. А до этого дня будто ничего и не было, никогда и ничего: ни меня, ни моей всей кутерьмы – ничего – это невероятно! А впереди прямая ясная дорога, я вижу каждый свой будущий день и иду по ним, как по воздушным шарам или по ступеням волшебной лестницы, все дальше и дальше...

Он блаженно улыбнулся и посмотрел в далекую даль, глаза были влажными, то ли от слез, то ли от принятого количества, лицо застыло в безвременьи, пальцы слегка подрагивая улеглись на стол, будто теперь ожидали чего-то еще неслышанного. Сосед тоже замер, глаза его горели нетерпением, как в цирке перед смертельным номером, чуть недопитый стакан застыл в руках.

И вдруг Поликарп резко изменился в лице, будто увидел самого черта, взревел во весь голос полный ужаса, как простреленный насквозь медведь, окруженный неумолимыми охотниками, руки грохнули по столу, он отшатнулся назад, чуть не упав вместе со стулом, едва успел вскочить на нетвердые ноги и как слепой, выставив руки вперед, побежал шатаясь к выходу, сшибая стулья на своем пути.

Сосед проводил его оторопелым взглядом и не сводя огромных вытаращенных сквозь очки глаз с двери, машинально допил последние капли. Он оглядел с тоской стол: пустая посуда, перевернутый графин, огрызки огурцов и пирожка, как покинутое поле боя после неминуемого поражения, поднялся и направился к выходу. Бармен, трагично протирая тряпкой очередной бокал, взглянув изподлюбя, спросил:

– Что это с ним случилось?

– Наверное, допил до своего последнего дня, который вовсе не хотел видеть.

– Сочувствую. А вообще, тут таких половина, что пытаются допиться до светлых времен, а потом сами до них и не доживают.

(7.09.2016)

Можно, всего лишь снимок? Just one shot!

"...Посмотрите на лица! Ничего не говорите. Всего лишь посмотрите на лица, да, на свои, вот, прямо сейчас, попробуйте! – потом взгляните на других, на ваших ближних, за кого, возможно вы воздаёте молитвы, кто, возможно, также молится за вас... Гляньте, взгляните в суть, не в названия: "мои ближние", "прохожие", "моя родня", "мой никто" – все, кого мы привыкли обезличивать называя, осуждать, не зная, превозносить, не догадываясь, что делаем!

Вглядитесь – эти лица полны ненависти, злобы, вражды, в их глазах лишь поиск врагов и желание их уничтожить – это лица смерти, приукрашенные чувством собственного превосходства, лживой правоты и безнаказанности.

Может они возомнили себя ангелами смерти или мщениками из старых писаний, что их лица так очарованы и бесстыдны? Что им стыд всего рода, если их несет бурной волной, неужели они вновь – как тысячи раз в истории – выбили себе право не ведать, что творят? Ах, как старо и роскошно, ведь, как всегда, найдется кто-нибудь, кто помолится об их здоровье и благоденствии, и история пойдет дальше, как только этого очередного несчастного казнят. Или они возомнили себя нацией пророков, которым любая кровь сойдет с рук, которые утвердили

новую мораль, где война и подавление – главные ценности, возведенные в ранг священной борьбы всех со всеми.

На наших лицах написано больше, чем может быть написано в наших дневниках, блогах, на страницах соц-сетей, в наших резюме и во всей нашей рациональности, и это ничем не скрыть! Эти лица так привыкли каждый день видеть теле-смерть, что реальная смерть и страдание вокруг перестали их, всех нас волновать...". Проповедник остановился перевести дух...

– Оу, простите, можно с вами сфотографироваться, всего одно фото, чтобы запечатлеть вместе наши лица? Just one shot!

Косточки домино выстроились в ряд. Мгновение. Выстрел.

Just one shot!... и вот, одна из ряда выпадает.

"Терпеть не могу проповедников!". Фотоаппарат не забывает снимать все: тело по кадрам, как по маленьким ступенькам во времени, медленно сползает на асфальт, на следующих кадрах видна кровь, потом совсем неопределенные снимки, будто сделанные ребенком, которому случайно в руки попал фотоаппарат, смазанные ужасом лица, спина толпы, шума не может быть слышно, видны лишь зависшие, плывущие по воздуху немые тела, кто-то взялся за голову, кто-то просто полез в карман, кто закрыл глаза, кто – отвернулся на проезжающий мимо автобус, кто-то (может я, случайно попавший в кадр) в этот момент закуривал сигарету, пролетающий воробей застыл навсегда в углу последнего кадра.

Немые сцены закончились, камера поморгав в уголке экрана красным прямоугольничком разряженной батарейки, выключилась, народ снова засуетился. Тело быстро убрали, толпа начала разбредаться, центр площади освободился.

Продув ствол и спрятав фотокамеру, новый герой устремился в пустой центр, будто сожалея, что никак не мог попасть в него раньше, и решил наверстать свою очередь.

Почти точно. Здесь. Ну, может быть чуть-чуть левее. Вот так! Правильно выбранное место и время – главное для успеха. Публика снова начинает собираться.

"Когда стоишь в самом центре толпы невольно вглядываешься и задумываешься о лицах пролетающих или медленно проплывающих перед тобой, или вперившихся в тебя и испытывающих тебя долгими вызовами взглядов. Кто они, откуда и куда идут, зачем останавливаются, чего они ищут и ждут, почему они так похожи? Что общего в них всех, хоть они и столь пестры и каждый так старается выделиться? Они ждут нового пророка, который расскажет как им жить и что делать, а они его потом казнят? Одна повторяющаяся черта мелькает перед глазами как набившее оскомину видение – всеобщая враждебность и..."

Звук затвора на чьей-то фотокамере, выстрел... Just one shot!

Рассказ "Да или Нет?"

Да или Нет?
(30.09.2017)

Ртуть

1. Ртуть
2. Камуфляж
3. Необитаемый остров
4. Бардо

Ртуть

...Crescendo. Presto. Сапоги, пальцы, отзвук музыки, канувшей в непроглядную глубину сердца, руки на струнах сжаты в кулаки, волны, одна накрывающая другую, слишком быстрые движения, в которые не успевает поверить разум, или это особенность игры, или тонкие иглы в невидимых ловких руках шьют непрозрачные слои, через которые не может просочиться ни звук, ни запах, ни даже ощущение, вышивают на каждом из них бессмысленный узор, обманывающая и обматывающая очередное тело витками липкого кокона.

А что в итоге: полное обмундирование, боевые патроны, готовность номер один, бегущие по маленьким улочкам ведущим к площади солдаты, словно тромб по тонким кровеносным сосудам прямо к сердцу, стекаются как ртуть в одну черную лужу, поблескивающую свежим ядом, шлемами и щитами, и способной отражать даже солнце серой гаммой кривого зеркала.

Команду еще не дали, но чувствовалась в воздухе готовность поглотить и растоптать любого, вступить в химическую реакцию с любой средой и, перекрыв кислород любому живому организму, все равно, одержать вверх.

Так снова началась и продолжилась вернувшаяся, а по сути никуда до конца и не уходившая, темная эра истории.

На пальцах по прежнему осталось ощущение струн, но они больше не могли сыграть ни нотки, просто сжались в кулаки на скрюченных руках и сцепились с такими же руками, образовав крепкую цепь. Беспомощно осыпались на асфальт, словно крылышки от белых бабочек-однодневок, остатки звуков, тонуших постепенно и неотвратимо в нарастающей какофонии оркестра, их закручивало и уносило в водоворот, как в детстве уносило щепку-корабль в ливневый сток в конце улицы.

Людей сгоняли дубинками и щитами в центр площади, окружая все плотнее – никакого выхода не было, – но сжатые пальцы ощущали как-будто невидимую струну, которую, стоило лишь потянуть, и она уже сама поведет тебя дальше и вытянет из западни. Я не успел сказать "прощай" этой щепке-кораблику ни тогда в детстве, ни сейчас, и всего чуть-чуть потянуть... Как вокруг уже все успело так сильно поменяться.

Насилие, политические репрессии и заказные убийства, непроглядная ложь, будто война власти с собственным народом – тут этим не удивишь уже никого – несменяемые безумные цари, правящие до самой своей смерти, и дальше, через приемников, наследников, ставленников, и вечная омерзительная свора вокруг, демонстрирующая такую же непрерывную родословную, Исаак родил Иакова, царь родил председателя, председатель родил президента, президент поставил приемника, родил сам себя...

А дальше расплзающиеся концентрические плотные круги, как от льющегося сверху цемента или дерьма: все распределяется по степени родства-близости отверстию из которого льется, так было всегда и будет. И сейчас...

Но это все абстракции, а теперь только конкретные ощущения рвущихся струн, не успевающие за происходящим, но и они отдаляются, стоп...

...я был убит почти сразу, моя карета с красными крестами, разрезая плотные слои пронзительными сиренами и мигалками продвигалась к периферии площади, чтобы проехав кардон отцепления, свернуть на одну из узких улочек, перейти из тягучего Largo к Allegretto, и поспешить раствориться в сумеречном *Бардо*, будто хорошо знает дорогу в этом непроходимом лабиринте, а потом смотреть за собою обратно в клубок все нити Ариадны, которые напрасно все еще тянут и тянут куда-то мою руку...

(10.07.14)

Камуфляж

Лес. Я чувствую невнятный зов, кажется будто слышу чей-то шепот. Ступаю. Пестрота до рези в глазах, зрение сливается в точку, расходятся кругами, как от брошенного камня волны мягкой размытости, просто глядят, отодвигая тебя от происходящего за безопасный кокон полуслепоты, съезживаешься, моргаешь быстро и беспощадно продираешься сквозь кисель несуществования, видимость формируется постепенно, оттачиваясь отдельными гранями, как непослушный камень, становится фигура, вырастает из безразличности и тумана, каждая точка – теперь иголка, многоцветная неопишечность, ковер враждующих одинаковых разных, полутона оттекстурированные под формы и наивно внушающие свою реальность и ничтожную протяженность:

"Тронь меня – я существую! – провались в колючий овраг, скатись в существование, рана щеки чем-то острым: от мельчайших неопределенных частиц до мелких веточек, палочек, потерявших принадлежность к какому-либо виду, сорту, стороне, как потерявший свои погоны... листва, жухлая, но еще сочная, перемешанная в вечном дерне зелень травы, спрятанная под слоями остатков лесной армии, давно захватившей и победившей все прочие армии: пехотинцы и летчики, от самой почвы до ростков, стволов и крон... Провались и покорись!"

Я послушно ступил дальше. Ветер снова смел черты определенности, всё вновь смешалось в единый вал, можно было смело лечь и катиться вниз, прижав руки к телу по швам, как солдат не готовый выполнять уже никаких других команд, кроме одной – смирно и не дышать... Карусель земли!

Плавный переход от кружащегося леса к волокнам пестрой военной формы – умелый камуфляж – слияние всего со всем, уравнивание частиц, приятие всецелой взаимосвязанности, Посвящение в Вещи, остатки форм, не являющиеся уже чем-то отдельным, успокоенно и тихо существуя и имитируя взгляд, никакого выражения мутных глаз, кроме мертвой отрешенности, никакого воспоминания, кроме первоэлементов, никакой принадлежности, кроме леса, никаких знаков отличия и погон, кроме тотальной пестроты и камуфляжа, никаких иных наград, кроме покоя...

Я скатился изранив щеки и уткнулся лицом в Вещь, в кривое, мертвое зеркало: это был ты, я, он, был еще кто-то, были все, слитые воедино обезличенно и гармонично, так удачно камуфлируя все индивидуальное.

Пусть снова дунет ветер! – пусть мигом унесет меня отсюда вместе с очертаниями, контурами, скорее прочь куда угодно, в полуслепоту, в бег, в продолжение, в звучащие звуки, в мир живых идвигающихся фигур, не бегущих убивать друг друга, не выполняющих никаких приказов, не берущих в руки оружия, не падающих в овраг с пулей в груди...

(4.03.2017)

Необитаемый остров

Необитаемый остров. Территория, покинутая людьми навсегда из-за случившейся экологической катастрофы, техногенного катаклизма или просто горького экономического обнищания и опустошения; или это земля, нехоженная человеком ни разу с момента союза космических частиц, чудесным образом встретившихся в бесконечном круговороте вселенной: совпали нужные полюса и химические валенции, родилась почва и пришла вода – так зародилась жизнь, провозглашен первый вид, утвержден годовой круговорот.

Трамваи послушно ехали вокруг, огибая лекалом и вырезая бескомпромиссным двойным ножом то, что предписано эскизом рельс. Машины, повинувшись своей обусловленности, четко выполняли свой единственный завет – "Не остановись!", бежали по серой полосе всегда и только вокруг зеленого островка, всегда мимо всего того, что можно увидеть и попытаться понять.

Люди-пешеходы не могли и помыслить попасть туда: как сложно идти без дорог, всегда нужен герой-первопроходец, отчаянный мечтатель и авантюрист, еще сложнее идти без надежды на достижение цели или, хотя бы, на возвращение обратно тем же, кем ты был; и невозможно двигаться, когда вовсе нет смысла идти.

Они обнаружили труп между кустами, снаружи острова его не было заметно. Он пролежал там дня 3, может больше... Вызвали скорую, так положено, носилки, плотная серая тряпка, напускная серьезность маскирующая скуку. Тело всегда повинуется естеству, особенно когда не может больше жить, и превращается в нелепое воспоминание, в напоминание самонадеянному и самовлюбленному уму его смысла и места, и превращается в необитаемый остров.

Существа в оранжевых и желто-зеленых фосфоризирующих робах, приказы не обсуждаются, *в предверии праздника очередного пиришества обманутой общественной памяти благодарных потомков, комитет благоустройства и министерство пропаганды, резолюция сверху, превратит "необитаемый зеленый островок" в торжество победы над хаосом, в оазис и знак превосходства, установить флаги и транспоранты по кругу, а в центре фанерный макет чего-то времен войны!*... Оркестр из помятых медных труб, в которые дуют старческие сморщенные губы вдруг стих, но в воздухе еще оставалось ощущение фальши.

...Сухой лист, бумажный самолетик, сложенный из последней странички истории болезни, смятое письмо счастья, тлеющий окуроч падают на дно. Двор-колодец, всего метра полтора на полтора шириной, не двор даже, а дырка от древней стрелы, пущенной с неба, ни выхода, ни входа, лишь несколько унылых грязных окон, в которые не проходит свет, а лишь видно унылое грязное окно напротив, а в нем еще одно, и еще такое же, и вот этот безнадежный коридор вникуда – идеальный накопитель вековой пыли – заканчивается лишь блеклым пятном сверху, за которым уже ничего не разглядеть, ни смысла, ни надежды, ни времени. Он часто высовывался из своего окошка, тайком курил между приходами медсестры с уколами и глядел вверх, пока не затекала шея, потом вновь ложился в сырую могилу казенной постели. Так больше не может продолжаться!...

Это же пятно было теперь где-то впереди, но уже большое и размыто-неясное, изрезанное ветвями со всех сторон, он хотел просто посмотреть в него, сколько захочется, может надеялся ухватиться за промелькнувшую между плотных облаков звезду или заглянуть за него, как за больничную ширму – надо всего-то чуть-чуть приподняться...

Просто лежать на спине под небом, курить и смотреть не засыпая никогда, повиноваться первобытной демонизации ночи, заклинать безымянные тени, очертя себя непроходимым кру-

гом дороги в железной оправе трамвайных рельс, слушать гул машин и ничего не ждать, не обращать внимания на боль, не принадлежать больше телу как собственности, просто отрезать свой маленький остров кольцом, поселиться там, но все равно оставить его необитаемым.

Бардо

Я настолько хорошо знаю эту комнату, каждую вещь в ней, каждую деталь в каждой вещи, все до мелочей, моя жизнь теперь замкнута в этих стенах, даже закрыв глаза я вижу расставленные на полках бессмысленные книги, вазочки, рюмки, висящие на стенах картинки, вытертый скрипучий паркет, а на нем вытертый ковер, облупившаяся многослойная краска на оконной раме, бывшая когда-то белой, фотографии из прошлой жизни в рамочках. Нужно поменять эту люстру.

С тех пор как она умерла и я стал единственным жителем и владельцем этого плена, я понял замкнутое пространство совсем по-другому, нежели раньше. Раньше в комнате было содержимое комнаты: голоса и дела, мысли, мечты, планы, музыка, много музыки... теперь осталась лишь замкнутая пустая коробка, наполненная пылью и мусором, больше ничего не осталось.

Я начал видеть стены, раньше их не было. Они давят на меня, мне тяжело дышать, наверное это клаустрофобия, я очень боюсь этой закрытой двери и блеска старой краски на ней, и грязного пятна на том месте, где всегда ложится рука, чтобы закрыть или открыть ее. Но я и не выхожу. Я не способен покинуть свой ад. Я стараюсь не прикасаться к двери, даже не подходить к ней. Латунная потемневшая ручка, – гораздо страшнее, если ее вдруг повернет кто-то с той стороны, если она хоть шевельнется, мое сердце, наверно, разорвется. Я ненавижу этот страх, потому что он, на самом деле, беспредметен и бессмысленен, наверно, я давно болен.

Но это мое заключение и это удушье – лишь миниатюра, это ничто, по сравнению с тем удушьем, которое я испытываю среди людей в этом городе, в этой стране, в этом мире тошнотворных и предсказуемых проявлений человеческой телесности, примитивной психики, имитации чувств и какой-то внутренней жизни, маскирующей не более, чем звериные инстинкты. Искренне они только морщатся, моргают и чихают, остальное – игра, биологическая программа. Они мне отвратительны, они – машины, и я – машина, только сломанная, и я себе отвратителен.

Я задыхаюсь среди них, я вижу стены их устроенного, красиво одетого мира, их пустые глаза, требующие на входе пропуск, ценз такой же одежды и поведения, вкусов и целей, когда ты говоришь, ты обязан так же кашлять и так же смотреть и улыбаться, так же одобрять и порицать как они, так же радоваться и огорчаться, и кивать, улыбаться и кивать. Условие одинакового прошлого – гарантия единообразного настоящего, а значит, такого же очевидного будущего, которое и не будущее даже, а разжеванное до серой однородной массы нечто, перетекающее с места на место и поглощающее все пространство и создающее невыносимую повседневность для бездумных животных.

Завтра последний день лета, послезавтра... я не хочу думать больше об этом, ни о чем больше. Когда я перестаю думать, мне все равно нечем дышать.

Я хочу выйти отсюда и убежать – мне незачем отсюда вырваться, потому что некуда бежать; я хочу закрыться здесь навсегда – но мне не спрятаться тут от них и от себя. Круг замыкается.

Но не теперь, теперь все решено – хватит. Я просто выключу эмоции, стану как они все, бесчувственным: я встану со стула, быстро оденусь, поверну злополучную ручку, выйду

во двор, там будут, как обычно, сидеть кучкой бродяги, такие же как я, выброшенные вон поломанные машины, но, в отличие от меня, не имеющие своего рокового места заточения.

Они, пока тепло, живут прямо во дворе, хотя, так часто этим летом дождь, у них во дворе есть даже кровать, спрятанная в густых зарослях кустарника, а на случай дождя есть полиэтиленовая пленка, которой можно обернуть кровать и спать там по-очереди или сбиться всей кучей, у них есть старая гитара, они иногда тихо поют хриплыми голосами какие-то песни, их никто не слышит и не видит, миру здоровых машин они ни к чему, каждый день они пытаются выпить столько, чтобы серая масса их не настигла и позабыла – да все и так их давно забыли! – чтобы каждый день был последним, и наступила бы долгожданная смерть, а утром, если случится новое утро, им нужно будет снова начать поиск пропитания и алкоголя, клянча мелочь, шатаясь по округе, чтобы согреться и ждать, а если не получится – значит тот день наконец-то настал. Но не тут-то было – конца нет, выхода тоже, все продолжается и идет дальше по кругу.

Я пойду, куплю в магазине две бутылку водки, отдам им, я просто присяду рядом, попрошу помянуть одного хорошего человека, а может и не очень – теперь не важно, я, пожалуй, даже, выпью с ними – напоследок, это самая хорошая компания, из всех ныне возможных – хотя, какая тут уже разница? Я захмелею и тогда пойму отчетливо: пора. Я встану, тихо уйду – ни к чему прощания, у них и не принято прощаться – быстро поднимусь, снова, как обычно, изнутри закрою проклятую дверь за грязную ручку, и закончу с этим раз и навсегда... стул... я наконец заменил люстру.

Сделано... Никаких больше эмоций. Кажется, ничего и не произошло. Та же знакомая комната. Я снова я, но будто немного другой, и снова тут, но уже совершенно спокойно, встаю, я не смотрю на содеянное, сразу ухожу, поворачиваю латунную ручку, спускаюсь, выхожу во двор, там сидят те же люди, я так же тихо, как ушел, снова подсаживаюсь к знакомой уже компании, мне передают стаканчик с водкой, я пью, я слышу тихую песню, чей-то охрипый голос, хор шепотом подпевает, я тоже подпеваю, даже не зная слов.

Ничего не изменилось, отсюда тоже нет выхода?! Тогда я, похоже, как и они, застрял тут надолго.

(26.08.15)

Вода

1. Человеческое пространство или Отповедь бывшего философа
2. Цветок
3. Эпоха тараканов
4. Мою свободу мне ничто не заменит
5. Такова жизнь! или Формула неведения 6 Притча о субъективном идеализме

Человеческое пространство или Отповедь бывшего философа

Человеческое пространство – мир очерченный кольцом дороги, видом из окна дома на окраине города или окна пивной где-нибудь в центре, меняющиеся цветные слайды: аккорды, что берет гитарист в подвальном клубе по вечерам, нарочитый макияж белокурых девочек, демонстрирующий их повышенный интерес к взрослым сильным мальчикам, и цинизм и грубость тех, как ответ на приглашение, модели поведения на выбор, как одежды на вешалках в магазине, маршрут прогулки когда не хочется никуда ехать на транспорте, темы разговоров на перекурах рядом с одинаковыми офисами, ценности – чтобы могли оценить коллеги, любовь к телевизору, которую можно обсудить и разделить, достойная мотивация, свежая мода – всё это то, до чего может долететь мысленный взор, пытающийся что-то охватить, соотнести с ним себя, очертить себя кругом как Хома Брут и осознать свое место в “мире”, или ничего не пытающийся, а лишь спонтанно глазающий вовне. Трофейный кусок этого мира, денатурированный в обрывки представлений, бессмысленные ежедневные ритуалы, прирученный и комфортный, который можно отрезать как колбасу в магазине и унести за пазухой домой – человеческое “обжитое пространство”.

Одинаковые известные лица в рябщем телевизоре и знакомые незнакомые на улицах, и потолок в прокуренном кабаке, и тот потолок, выше которого ты никогда не поднимешься, даже если будешь работать не покладая рук, и обычный, не вызывающий уже особых чувств, поток лжи из всех информационных щелей, граничащий с парадоксом, а иногда и демонстрирующий его – настоящее зазеркалье с недо-Алисой в твоей роли, а вокруг стеклянный невидимый колпак, внезапно и безжалостно прерывающий вдруг полет всех фантазий и надежд.

Одна свобода ограничивает другую, своеобразное противоборство свобод, только в разных весовых категориях. Куда ж тягаться с "порядком вещей" этого мира, да еще и таким старым. Их свобода ограничивает нашу еще до того, как она нарочит вырасти и окрепнуть – ее уносят без чувств с ринга! Раунд закончен. Звучит гонг.

Наш мир был нарисован за нас, и нарисован весьма скверно, потом перерисован много раз, потом все-таки стерт резинкой, но не до конца, мы химически смоделированы в нем, мы химически управляемы им, а эту химию назвали *традицией*: в ней наши импринты, мысли и чувства, и все наши поступки тоже. Но потом вдруг сбой: безумие разного рода, прозрение, запой, наркотики, сильные чувства – Бац! – и таблица Менделеева дала крен – ты оторван и выброшен.

На большой ринг, конечно, больше не сунуть, но домой дойду сам.

Но “мир” – абстракция, “миру” доверяют те, кто любит телевизор, любит моду, которая щупальцами проникает в сознание, начинает управлять чувствами, пытается выбраться в мир вокруг, но натывается на серую неплодородную почву равнодушия, перемешанную с гранитной крошкой (как в детских песочницах на окраине города, вместо песка), и ей не за что зацепиться и прорасти. Но это только первое время.

Когда же массовость одинаковых чувств набирает вес, когда зашкаливает возмущение двух немолодых блондинок, столкнувшихся на улице в одинаковых платьях, и наровит вот-вот вырваться как пар из котла и воплотиться в особенностях оформления пространства жизни людей того или иного района, города, страны, то щупальцы вдруг обрубаются, как это не смешно, сами собою, и на смену им начинают ползти другие, новые щупальца, пришла новая мода, а старая прошла в “прошлом сезоне”.

Культура, искусство, ценности, а в конечном счете, человеческая способность чувствовать начинают дробиться на части мелкие, локальные, временные, сезонные – все по закону моды. Монета всё мельче и ценности в ней всё меньше, дробится всё, создавая суб-культурки, суб-эпошки, суб-поколеньица, которые давно перестали нести хоть какой-то смысл – всё перемололось в утренний кофе, ежедневные газеты, книжки и музыку, "надо как-то жить" – специально чтобы не заскучать в метро сегодня – не волнуйтесь! – завтра будут новые: распродажи вещей, идей, удовольствий, лиц, религий, вкусов – был бы спрос, а он всегда будет, сериал никогда не закончится.

Когда история закончилась, начинается бесконечный сериал.

В итоге, когда изредка посещаешь *пространство*, идешь по его улицам, дышешь его воздухом, говоришь на его языке, понимаешь – оно осталось почти нетронутым модой (и вряд ли это его плюс!), оно сложилось еще в прошлую или позапрошлую эпоху и медленно меняется и разрушается под влиянием куда более постоянных и скучных факторов: высокой влажности и ветра, нехватки витаминов и финансирования, системы и уровня оплаты труда, никуда не девающихся потребностей, объема китайской промышленности, и прочей повседневности...

И все буйство модных течений и стереотипов сменяющих друг друга на поверхности, в умах и истории остального мира почти не властно над "этим миром". Меняются лишь удочки вывесок и наживка на крючке: используются другие отделочные материалы, ярлыки, глянец, цвета, форма, но содержание не меняется, вернее не появляется, пустые стены остаются, и с них сыпется штукатурка.

Наш прото-мир сотворили Колонисты, пришедшие когда-то на болота, авантюрно и безумно желая провозгласить цивилизацию среди дикарей, именно они оставили после себя все эти дворцы и парки, особенности старого города и его архитектуры. Создали первое Пространство. Последующие же поколения повели себя как равнодушные туземцы, для которых пространство – лишь пустое вместилище для практического использования и складывания утиля. Первозданное ветшает и разрушается, на его месте возникают безликие постройки для безликих жителей, и мы в нем пытаемся соскоблить слой за слоем, чтобы докопаться до истины (которая когда-то тоже была повседневностью), между строениями вновь появляются проплешины болот...

Змея меняет кожу на джинс и латекс, а под ними все равно остается тот же механический скелет на китайских батарейках.

Здесь *содержание* – не *платоновская идея*, не вкус заоблачной конфеты скрывающийся за рекламной оберткой, который ты, вкусив, сразу вспомнил и понял, что знаешь его *априори* и знал всегда, просто забегался и забыл. Это содержание тем более, не предназначение или цель, ради которой создавались бы изящные и искусные формы, оно лишь Предел – всё возможное многообразие комбинаций заранее определенного числа действующих элементов, некий “икс”, за которым может ничего и не быть, который хорош и удобен как раз тем, что не нужно заморачиваться его называть и познавать. Он прост и умолчателен, его этимология или археология под запретом, ибо истоки истории всегда так неприглядны.

Ограниченное количество стекляшек в калейдоскопе, предполагает хоть и непредсказуемо-красочное, но вполне мыслимое число комбинаций, да и то, пока тебе не наскучит его крутить.

Старик Шпенглер печально выводит мелом в конце уже исписанной доски:
"Очередной $X=0$ ".

Как мне всегда было тесно и неуютно в нем (калейдоскопе, пространстве) всегда и везде, во всех городах, где жил и бывал. Поначалу, в детстве например, или после переезда в другой город, новое пространство кажется огромным, полным и нескончаемо интересным, но потом циферки начинают все быстрее бежать, вычисляя и просчитывая ткань вокруг тебя, будто программа, создающая искусственные объекты со сложной текстурой сверху, воспаленная интуиция все более ловко прорезает толщи, кварталы, мысли, намеки и недосказанность, обманы и перспективы, помещения и их обитателей, в поисках лишь одного – *Предела*. Шестеренки со свистом вращаясь в голове, пытаются предопределить возможный потенциал, улов который может вытянуть сеть, разведчики жертвуя собой пытаются оценить целесообразность атаки, вызнать слабые места обороны противника, с одним отличием – войны может и не быть, и все действия ограничатся столкновением двух разведок где-то на неразмеченной территории. А потом лишь пьянство на съемных коммуналках долгими зимними ночами, да бесцельное глядение в окно.

Мой механизм видимо работал быстрее других (да и искал не весть чего!) и отсылал в центр к главнокомандующему неутешительные сведения:

"В войне нет смысла, тут нечего завоевывать!".

И рука командира давала незамедлительный отбой жаждущей битвы армии, расселяла ее по зимним квартирам, чтобы по весне отправить в новый конкистадорский поход.

"... – Давай всё перенесем в мою комнату, это будет перевалочная база перед отъездом, возьмем твои книги по живописи, мой старый компьютер и гитары, без остального можно пока и обойтись. Не плачь всё получится, я обещаю. Это судьба, что мы встретились, я увезу тебя из этого болота..."

Но болото – это не место, а состояние. И как я раньше не догадывался?...

Я не знаю сейчас, а тогда тем более не знал, что произошло когда мы с ней встретились, что-то непонятное и волшебное, но то, что дальше с нами было, наши безумные страстные встречи, тайные ото всех, терпение и страх, Монтекки и Капулетти, испытания и страдания, побег, отъезд на пустое место в другой город без дома и работы, без денег и знакомых, превращалось в целую картину. *Судьба* ли это? Скорее это наш *бунт* против реальности нас окружающей, против пресловутой судьбы! А может и этот бунт тоже уже был вписан в некую судьбу?..

Еще один оборот калейдоскопа – кажется я уже видел это сочетание или просто кажется?..

Дерево свободно, оно растет во все стороны как немислимое многомерное пространство, стоит выбрать одну ветвь и она тут же становится стволом и точкой отсчета твоих координат и в итоге – судьбой, конечно, пока не выберешь иную. *И никакого добра, и никакого зла – только свобода.*

Патрон должен выстрелить рано или поздно! А мы оказались одинаково хорошо заряжены. Вот и вся разгадка, конечно, если была загадка, ведь это было ясно заранее, внутренний бунт – всегда свобода, несмотря на обусловленность, обстоятельства, прочие доводы ума, знакомых, недоуменно пожимающих плечами: зачем, ради чего, какой еще свободы тебе не хватает?...

Как объяснить это людям не жаждущим свободы, не нуждающимся в ее постоянном осуществлении, ощущении, не любящим ее и не ценящим более всего и всегда? Это не проще, чем объяснить, что такое любовь, тем кто ради нее не готов был ни разу в жизни рисковать собой. Наверно, по сути, это одно – то, что выводит тебя за пределы тебя самого и мира, и “пространства”, и моды, и всей мыслимой мишуры.

А после выстрела осталась бесполезная гильза, в которую теперь лишь можно громко свистеть, и глядеть дальше в окно.

Маршрут нашего автобуса удлинители, город ведь продолжает расти, наша окраина уже не совсем окраина. Людей, машин, магазинов и прочих картонных атрибутов цивилизации стало ощутимо больше. Ищущие, спешащие, приспособляющиеся, они, да и мы тоже, как авантюрные золотоискатели, перемываем кучи пустой породы в поисках не пойми чего, может своего очередного "пространства", золота "нового света"? Может, как на руинах снесенных старых домов, кто-то до сих пор старается отбивать кирпичи для строительства чего-то действительно нового, свободного от тоскливо-вязкого шлейфа тянущегося от окончившейся истории?

Все сложилось до нас и за нас – все эти душливные города и ими обусловленное массовое сознание. А что вначале? – поди разберись!

И я и они, пристально и подозрительно вглядываясь друг в друга, играем в одну и ту же игру, навязанную нашим пресловутым “пространством”, а оно ни что иное как наша же проекция вовне – так замкнулся круг глупого ума.

Пустой автобус, пустые улицы, окраина...

– Вам где остановиться? – спросит водитель с акцентом.

– Я до конечной и дальше, прочь отсюда! *“Yo no soy marinero, soy capitán!...”*

(11.11.12.)

Цветок

(Памяти Д. Акулиничева)

Один мой друг, тогда еще живой и в меру здоровый, и живущий в бесконечном экзистенциальном эксперименте над собой и окружающими, как-то рассказывал мне о Цветке...

Теперь его и его цветок уже давно смыло течением бурной реки, и он наверно покоится в ветвях утренних сосен на тех скалах у моря или витает над его бескрайними теплыми просторами звуком, а может и могучим духом, оставляющим в человеке ощущение вдохновения и присутствия и возможности изменить что-то в жизни и нащупать в себе скрытое волшебное знание или, как минимум, желание выпить и куда-нибудь уехать.

Мы все хотели тогда изменить нашу жизнь неким новым необычным, а главное внезапным прозрением, и очень верили в это. И мы тогда были способны на это, не хватало лишь знания, информации. То, что теперь можно найти в интернете за пять минут, а в следующие пять минут так же благополучно забыть, тогда можно было ждать годами, напрягая шишковидную железу изо всех сил, жонглируя предчувствиями, потребляя кучи алкоголя и травы. И все ожидая встреч и поездок, ночных разговоров и споров, песен и стихов, новых кассет, переписанных по сто раз и затертых дисков, и просто очередных пьянок, где можно было услышать и узнать что-то новое, и немного утолить жажду заглянуть за угол, вытянувшись на цыпочках суметь выглянуть из привычной серой кастрюльки.

Каждый выпитый глоток, затрепанная книга или тетрадка с переписанными от руки стихами Янки, в которую что только не заворачивали, или рассказ про Цветок, который я не забы-

ваю все эти 15 лет, вот и сегодня вспомнил, и луну и террасу на тех скалах, и тихое ночное море, где посредине превратившись уже из цветка в свечу, мы поднимались в небо или очень хотели подняться – все это затекало тогда в душу так глубоко, что могло перевернуть изнутри весь мир.

И переворачивало, для каждого по-своему, каждый взял, что хотел, если хотел взять, нашел то, что искал, если искал. Вся круговерть: и растаявшая на глазах эпоха и оборванные преждевременно жизни, и изменившиеся за 15 лет лица друзей, оставались где-то внизу, а ты все поднимался, теперь тебе для этого не надо было ни травы, ничего вообще, все получалось и так. Потускневшая и обедневшая земля, и выцветшая и прохудившаяся память, опустевшая жизнь и подорванное здоровье вновь оживали как птица Феникс, как осознание: ЭТО ВСЕГДА С ТОБОЙ БЫЛО И ВСЕГДА БУДЕТ!

Это то настоящее, которое вне времени, та свобода, что всегда в становлении, и которая каждое утро, очищая взор, превращается в белый лист, и мы познакомились еще в далекой юности, и оно навсегда осталось другом и осталось загадкой, и множеством историй из ниоткуда, в одной из них, помню, ты учил меня: “ Вначале представь цветок...”

Кто-то тронул меня за плечо: “Ты еще спишь?”
– Привет, дружище, сколько лет, сколько зим?!...
(27.04.13)

Эпоха тараканов

Тараканы исчезли с началом массового использования мобильных телефонов и беспроводного интернета. Вы заметили. Так, по крайней мере, говорят. Длина волн покрывающих и пронизывающих лучами смерти все города передала им особый сигнал: "Уходить!". И они ушли. Современные дети городов их даже не видели.

Я сажусь на лавку, вечереет, туман, промозгло. Оглядываюсь по сторонам – ни души. Включаю внутренний передатчик, закрываю глаза, жду пару минут – ничего... Ах да, забыл кое-что из практической магии: закуриваю сигарету и медленно выпускаю кольцо за кольцом в осенний воздух перед собой. Ближе к фильтру появляется первая знакомая фигура. С появлением еще одной, мы уже втроем смело идем в магазин или делаем променад по округе, совместно напрягая дальше пытливым ум: поиски еще соучастников или поход в гости, или просто разговоры на лавочке за бутылочкой вина.

Мы просто ждали, предвкушали и предчувствовали незапланированные встречи, с наступлением каждого вечера, интуиция заставляла одеться, выйти из дома и следовать знакомой тропой; и мы просто шли туда, в места наибольшей концентрации наших мысле-форм, туда, где они могли сталкиваться и общаться, и где все время что-то происходило. Даже зимой всегда находилась незамерзающая стремнина, где можно было перехватить живительного воздуха общения и тепла, обменяться новостями, идеями, новыми записями любимой музыки. С годами чувства и привязанности настолько обострились, что переросли в подобие зависимости и могли передавать и принимать информацию на расстоянии, конечно, при условии нахождения в досягаемой зоне.

Я, как, наверняка, и многие мои знакомые в то время запросто могли просто идти по улице и точно знать: "сейчас я кого-нибудь обязательно встречу", и встреча незамедлительно происходила! Что-то подсказывало, что нужно сесть не в этот, а в следующий автобус, или, наоборот, вдруг, раньше времени выйти, и вот результат – перед тобой стоит твой давний друг или подруга. Мы были все связаны особой энергией, которая, возможно и давала эти под-

сказки, а потом мы собирались вместе и эту энергию укрепляли и ею обменивались, ведь это было возможно делать только при личном контакте.

Теперь перебирая сотни блогов и телефонных номеров своих малознакомых знакомых, я не чувствую почти ничего, ни вибраций, ни подсказок, и не останавливаясь, пролистываю все это красочное небытие, исполняю свой ежедневный долг и снова все забываю, потом выхожу на шумную многолюдную улицу, иду вперед не вглядываясь толком в лица, и совершенно точно знаю: я никого не встречу.

Я буду растворяться и прятаться в этом многоцветье и разнообразии, я буду легко скользить по поверхности, и мне будет вполне комфортно в толпе в моем молчании и изоляции, я буду продолжать прислушиваться в своих наушниках к знакомым с юности гитарным рифам и любимым проигрышам, буду делать дальше свои маленькие открытия. Жаль ими больше не с кем поделиться...

Теперь на стандартный вопрос в трубке: "Ты где?", могу лишь смеясь ответить: "Ушел вслед за тараканами! :-)".

Мою свободу мне ничто не заменит

Никогда не чувствовал свободы, такой, какой хотелось бы, ни в детстве, ни в юности: что она есть? как это? какой у нее вкус? – только смутно предвкушал ее всегда. Хотя, может быть когда-то это и была самая она...

Помню детство, безумие перестройки, опостылевшие руины советского прошлого с одной стороны и радостная безнадега будущего с другой, первые капли уже летели с неба, потом равнодушная потусторонность балета в телевизоре, за которым происходило что-то непонятное для нас, путч был такой же абстракцией для детского сознания как и экономический курс или реформы, или парт-съезды, взрослые с тревогой обсуждавшие что будет дальше, разлом тектонических плит двух эпох, вместо декораций на экране громоздились чудовищные флэшбэки, танки, гибнущие под ними в центре столицы в относительно мирное время люди, смертоносные амбиции неспособных на диалог любителей засухи с обеих сторон, приведшие к кровопролитию...

Мы тогда еще не понимали кому сочувствовать, кого проклинать, мы просто, как в песне, ждали перемен. Одно для всех тогда стало очевидно: обратному пути не бывать. Ну и хорошо, думали мы. Так шла жизнь, далее и далее, много чего еще стало и было, и перестало быть, и сплыло. А для нас тогда все только начиналось.

И вот пошел после изнурительной засухи долгожданный дождь, начала которого я даже не запомнил, помню только, что когда-то его не было, и все его очень ждали. Было такое изобилие, что невольно, в самый разгар веселого застолья, включался в голову (и как оказалось позднее, не только в моей) некий бережливый хозяин и начинал вдруг неуместно напоминать всем об умеренности, "экономии счастья", что мол, радость любит тишину, тогда благ хватит надолго, и тому подобное.

Помню, к сожалению, и когда потом дождь перестал и снова наступила засуха, да такая, что вспомнилось далекое детство, но это случилось на много лет позже, и я вспоминал тогда с досадой своего прошлого эконома, а тогда невозможно было даже поверить, что такое вообще когда-нибудь еще может случиться, повториться.

Когда оно рядом никогда не осознаешь его присутствия и всей его ценности, и только потом, когда его нет, понимаешь – так оно же было у тебя вот в этих руках когда-то и надо было использовать его на полную катушку, даже если половина из этого окажется потом иллюзией. Но молодость никогда не бывает иллюзией.

"Наслаждайся жизнью и свободой, сколько ее есть, прямо сейчас, пока есть шанс, ведь скоро его все равно не станет по какой-нибудь очередной причине, и дальше – только хуже – такие уж дерьмовые правила в этом мире!" – говорили мудрые. Вот какую истину я тогда открыл для себя и написал на главной странице.

И хлынул в сумерках поток из образовавшейся брешы в какой-то небесной трубе, ручьи побежали повсюду, спеша наперегонки и извиваясь как веселые змеи, местами сливаясь в сплошное покрывало переливающееся на асфальте отблесками фонарей, они огибали лишь возвышенные предметы, человеческий мир, остальное же все, что было ниже, оказалось на импровизированном дне.

"Возвышенный мир" казался похожим на забытые кем-то декорации к недоснятому фильму и вот-вот растает как фигурки выпиленные из нерафинированного сахара. Сначала они начали менять свой цвет на угрюмо-бурый, потом пытались впитать в себя всю доставшуюся им влагу, становились тяжелыми, неподвижными, потом перестали бороться и заблестели полные до краев.

Падающее море капель звучало в пластиковые крыши книжного рынка как огромный оркестр барабанщиков на первой репетиции, ряды же полиэтиленовых навесов, похожие на сбившийся в кучу караван, слишком долго путешествующий и застигнутый сезоном дождей, набирались водой мгновенно, превращаясь в огромные свисающие пуза, и продавцы, вооружившись какими-нибудь палками, вместо продажи укутанных надежно книг, работали китами, вздымаясь то и дело над поверхностью, разрезали лавины волн и выплескивали из себя струи воды...

– Рембо, Артюр Рембо есть у вас?

– Что, а – Рэмбо, это вам в ряды где видео торгуют!

– А Шарль Бодлер или Ницше, может быть?

– Кто? Не знаю, нет, а Ницше, это фашист что ли?

– Нет, почему сразу фашист, ну да ладно, и на том спасибо... И все в таком духе, в основном. Мы-то все тоже тогда штурмовали мир и вопрошали с одинаковым запретным списком, составленным из урывков информации из разгромных статей в энциклопедиях, редких упоминаниях в песнях или на обложках пластинок. Трудно поверить, что информации, от которой теперь некуда спрятаться, и которая уже давно перестала нести "добрую весть" людям, когда-то не хватало катастрофически.

– поплыли к другим островкам. сюда перебегай скорей, а я прошлый раз купил тибетских палок-вонялок, так надьшался ими, что стих написал, а может выпьем чего?...

еще пытаюсь уцелеть от дождя, храня в относительной сухости ноги, и еще кусочек кармана с остатками денег, я отчаянно прыгал от кочки до кочки. Мы с другом часто ходили сюда по выходным, когда на фоне бетонных стен забытого детского бассейна на беговых дорожках стадиона, словно на подмостках старого открытого театра открывался новый, неизведанный мир огней и красок, невиданных и незнакомых, карнавал картинок, названий, имен и где-то случайно подслушанных, и вычитанных с зарубежных пластинок, и вовсе неизвестных.

Мы знали одно: все новое и интересное приходило отсюда, тем более, сюда всегда приходили друзья, которых обязательно встретишь, а это оборачивалось одной – двумя бутылками портвейна, и дальше: *что нового? что слышали, читали? может еще круг или еще по одной, видел ли ты Дэна? – да около Дяди Вити, Свин заходил и Макивара, да они кажется еще где-то здесь – ну и ненастье сегодня – у Лехи крыша совсем течет, да, а эти ящики нужно уже срочно эвакуировать, давай поможем, дядя Витя, здрасьте, мы поможем давайте, да вы нам*

ничего за это не должны, ну спасибо, конечно, лишними не будут, ну, пока деньги не вымокли совсем пошли в магазин еще...

Смывало одного за другим, ряды редели, караван рассеялся, кажется пора было расходиться. Мы возвращались вдвоем обратно искусно прыгая через лужи, почти бегом, все осталось где-то сзади за дорогой, вернее уже рекой, где изредка проплывали в полутьме расплывчатые пятна фар, а от них разбегались волны перехлестывающие через бордюры. А дождь только веселился, ничуть не стихая, все текло и летело, и мы летели по лужам куда-то вперед. И вдруг поняв что-то без слов и договоров, мы просто побежали вместе напрямик, словно наперегонки, даже уже не пытаясь обогнуть реки и озера воды и черпали полные башмаки неумолимого потока – все равно давно промокли до нитки.

Вокруг ни души не было и быть не могло, и не могло уже быть ни прошлого, ни будущего, ни страха, ни границ, ни книго-рынка, ни алкоголя, ни китов, вздымающих вверх струи воды, ни улиц, ни домов, лишь бурные потоки и мы, смеющиеся свободные идиоты, влюбленные в жизнь и пытающиеся сообразить где наши дома.

(22.09.12)

Такова жизнь! Или Формула неведения

"Такова жизнь!". Многие любят повторять эту фразу, выражение типа "x=x", без попыток дальнейшего прояснения. Будто это слепое повторение делает их умнее или мудрее, или хоть немного приоткрывает завесу этих иксов, неизвестных участников любого диалога. Нет, и даже продиктовано это повторение не желанием познания и благоговением перед тайной, не жадной найти хоть какие-то удовлетворительные гипотезы, ответы на Вечные Вопросы, и не смиренным самопожертвованием перед непостижимым. Скорее всего наоборот, под этой фразой кроется глубокое пренебрежение всем тем, что может поставить под сомнение их самоуверенное желание жить, причем жить так, как они привыкли, как им вдолбили в головы, и ничего не менять, и ни о чем лишнем не задумываться. А для обозначения всего, что не вписывается в их повседневный ритуал, что ломает устоявшийся невежественный конвенционализм придуманы Формулы Неведения. Такие формулы вписаны в житейскую этику и имеют глубокие социальные корни. Нарушение их может привести к десоциализации, ведь неведение более социально, поэтому здесь не принято давать ответы, и даже не принято задаваться вопросами.

Онтологические дыры легко прикрыть смещением фокуса познающего разума в сторону более познанного или его редукцией. Что может быть проще и распространеннее: "Нет ничего, что могло бы беспокоить мое сознание и вторгнуться в мою жизнь, чего в ней еще нет!". Оно не нужно, значит его нет, а нет его, потому, что оно не нужно. Все остальное – несчастное стечение обстоятельств и глубокое "нездоровье, требующее принудительного лечения и площадного раскаяния"... И все в таком духе.

Если же речь касается сферы практического рассудка, регулирующего человеческое поведение, то формула окрашивается в религиозные тона, и получает вид: "Такова высшая воля", "сам заслужил в наказание". Теперь она – универсальный шаблон, суррогат, подменяющий разум, человеческую свободу выбора и ответственность за него, затыкающий любую черную дырку неудобных вопросов.

А какова жизнь?..

Как же все, повторяющие глупое заклинание, не любят ставить себя под удар, даже если он заслужен, и пришло его время! Они прикрывают чужой ширмой гносеологический срам и ничтожество, в надежде, что оно, словно памятник под торжественной попоной, предвосхищает своим величием и рождает априорное почтение и доверие, в силу принадлежности непознанному. Нет, ведь и сами они этого благоговения не испытывают.

Здесь приоткрывается еще и катафатическая сторона формулы неведения – ее положительное утверждение о границах области возможных предикатов для нашего многострадального субъекта. И область эта ограничивается такими же скудными пределами как и пассивный гносеологический посыл.

Агностик боготворит тайну, редукционист же, апеллируя к несводимому на нет очевидному остатку, отбрасывает все непознаваемое, а за одно, и непознанное и делает из него бессмысленный фетиш. Почтение к такому фетишу так же ложно и смехотворно, как ложно оно может возникать при виде седины как таковой на чьей-нибудь голове, а ведь и седина бывает разная и не всегда равноценна глубине опыта и мудрости.

Мы все боимся смерти, и она неизбежна – вот и все!.. Будь ты хоть самым богатым, умным, красивым, счастливым – кем угодно – это не меняет исхода, "blah-blah-blah", как говорится! Но только тут и рождаются все утопии и теории, религии и развлечения, поэзия, философия, наука – все!

Ведь мы же все любим маскировать этот страх под какие-угодно высокие и благородные мотивы, героические поступки и мировоззрение, стремление к недостижимой истине, спасению, избавлению, освобождению – как угодно, абсурдные догмы и табу, заповеди, традиции, писания, предания, что угодно еще под любым соусом, все только в жертву этого слепого старого глупого чудища. А ему не нужно никому даже показываться на глаза, само его существование (равноценное его же отсутствию) способно вызывать ужас и трепет, и оно может уверенно требовать взамен любых даров, оброка и покорства его крепостных.

"О, возможно и так" – скажет кто-то, – "но я знаю тех, кто не боится ничего, даже смерти, и их не так мало!"

Бесспорно, таких тоже довольно много, даже, кажется, все больше и больше с каждым годом, жаль только, что большинство из них нездоровы или употребляют много неестественных стимуляторов такого бесстрашия: алкоголь, наркотики и т. д. Да, и в итоге, пресловутый конец лишь приближается: зависимости, криминал, суицид, безумие – итогом, ранняя смерть...

Бормочите дальше заклинания из одних неизвестных, только тогда, будьте любезны, не говорите про жизнь, скажите лучше: "Такова смерть!" – и это уже будет первый смелый шаг на пути освобождения от страха!

-

Притча о субъективном идеализме

Отражения, всюду лишь отражения, все – отражения, преломленные по нескольку раз; мы живем все время в отражениях, весь наш мир, человеческое пространство – наслаение отражений.

Мы не в состоянии пробиться к подлинному миру, основе того, что мы называем, используем, познаем и, даже, самонадеянно думаем, что знаем. Гипотетический бесконечный потенциал, магический полуфабрикат, пустая форма, нехоженный лес, которого и не существует дальше нашей способности воспринимать его, растягивающийся вперед вместе с нами и тут же сворачивающийся за нашей спиной. Вот наш удел. Всю историю человеческой науки, философии, религии, искусства человек изучает самого себя, свои способности, психологию и сознание, свою логику и строит разнообразные знаковые системы.

Мы отражаем эту загадку как можем: в словах, изображениях, науках и технологиях, весь огромный многовековой мир знаний, лишь символ, указатель. Мы прикасаемся к Подлиннику только в редких прозрениях.

Что же удерживает нас от распада на частные разрозненные фрагменты или комплексы ощущений, восприятий нас другими, поблескивающими осколками отражений, на замкнутые в себе системы значений? Кто-то вслед за Беркли скажет: "некое сверхвосприятие, сохраняющее тождество даже при отсутствии воспринимающего человеческого субъекта, то есть некое божественное восприятие нас".

Я скажу: – да, ничего! осколки – осколки и есть, а метафизические спекуляции вышли из моды лет триста как.

Кто-то запах, кто-то взгляд, или прикосновение мягкой формы, легкое ощущение жжения, а может звук. Что есть мир – лишь оборот речи или загадочное плавание среди немых глыб, все остальное – обильные плоды скупающей фантазии.

Смена угла зрения или дождь, иноязычная среда или амнезия, и все! – прежнего мира и людей его населяющих нет, как нет и схем социального поведения, гендерных стереотипов, религий, глобальных политических систем, мировоззрений! Все импринты прошлого исчезли. Зеркало разбилось на множество кусочков или искривилось до неузнаваемости в нем отражаемого.

Ты, лишь беспомощный ребенок перед лицом чуждого непознаваемого ничто, который лепечет в восторге и ужасе и выдумывает свой новый язык, а оно лишь корчит рожицы и усмехается из зеркала.

Пропорции

1. Я никогда не включаю свет
2. Сон структуралиста
3. Ночь
4. Маятник
5. Пропорции

Я никогда не включаю свет

Я никогда не включаю свет, мне он не нужен, я живу не в век электричества, не в мире необходимости искусственно освещать себе путь.

Я давно знал, что будет в этот день. Я просыпаюсь, хотя, я и не сплю никогда, встаю, а вернее, разгибаюсь, ведь мой дом имеет форму ракушки, застывшего спиралевидного водоворота с неведомой черной дырой посередине.

Но когда я начинаю присматриваться к своему дому обнаруживаются две, а иногда и несчетное количество необыкновенных вещей: что он – это лист дерева, который ранней осенью становится полупрозрачным, в нем становятся видны все прожилки, все его причудливые вены, и все что натянуто между ними тает, словно парус на ветхом судне потрепанном не одним штормом, на нем появляются дырки, сквозь них ветер дует, и мелодичный свист рождает морские песни, свет начинает проникать всюду, преграды на его пути все более ничтожны – стены ракушки изъели соленые воды и морские животные, остался нерушимый скелет, кость времени, вечный указатель пути всего живого к мертвому и обратно, белый изгиб, сон того, кто действительно спит – не то, что я!

Я уже встал и осторожно ступаю на перепонки, перепрыгиваю с одной на другую, я могу двигаться по ступенькам, могу бегать по кругу с закрытыми глазами – я привык к своему дому, я иду и умываюсь водой, которая неизвестно откуда здесь взялась, я никогда не включаю свет, мне он не нужен, я рожден в век естественной ночи и вечного дня, пространство легко пропускает иной свет во все свои изгибы, оно сужается и закручивается – в моем микрокосме могу жить только я – умытый и готовый к пути.

Куда можешь идти ты, разве только переползти в дальний, неизведанный еще тупик своей ракушки? – спросят меня возможные неизвестные.

Я смеюсь, мне легко смеяться над этим нелепым вопросом, ведь я прекрасно знаю как далеко может отправиться стрекоза, в части крыла которой я однажды оказался и живу последнюю вечность. И я знаю о ней все, что мне нужно знать, знаю главное – а это уже случилось не раз – когда перепонки начинают издавать особый звук и вибрировать, так что щекотно и хочется петь, все наполняется ожиданием и предчувствием долгого пути через воду, большую воду.

Я знаю что сейчас произойдет, я готов, и она знает, что я готов, я, уходя, не покидаю свой дом, а он – меня, мы неразрывно связаны, а теперь пришло время вымести весь сор и промыть скелет, перед тем как он разрушит еще одну видимость и оживет, чтобы снова стать перламутровым и переливающимся всеми цветами радуги. В моем мире не может быть никакой смерти.

Я смеюсь, я лечу!

(25.06.2016)

Сон структуралиста

Маленькие серые перышки облетают с ничтожного, может и вовсе несуществующего тельца (с этой жалкой надежды, ведь все надежды тела – только в другом теле – мелко и смешно!), то что-то, что остается на их (пустом) месте сливается по цвету с непроглядным монолитом присутствия, слепого и безличного нечто, наблюдаемого мною, втайне наблюдающего за мной наблюдающим, где я только слепок, структура непонятной принадлежности, имеющая долгую историю и дурную репутацию. Сам я серого цвета, умело встроившегося в фон, стараюсь разобрать тихие всплески на пустом месте.

Серые слизняки неожиданно быстро разбегаются, только ты пытаешься ухватить хотя бы одного. Ничего не остается, ни видимого, ни мыслимого, кроме скользкой стены из черного мрамора, из обманчивого отражения в котором смотрит *инкогнито* (просто кто-то или скорее, что-то).

Возможно, взгляд это просто привычное клише, вожащенное и уютное название для описания предполагаемого отношения к тебе кого-то или чего-то, (или просто ощущение от него, бродящее по телу), в данном случае, может оказаться, что ему нет ни малейшего дела до тебя, даже взгляд – это было бы слишком много, слишком щедро для такого ничтожества как тень возмнившая из себя фигуру. Скорее, оно просто есть, глубоко в себе.

Я наивно проецирую свое отношение к миру на все меня окружающее (мною не являющееся), воображая диалог с безразличной поверхностью, инициированный ею самой, который превращается сначала в мой диалог с самим собой, затем просто в нахождение рядом ("сосуществование") некоторых неодушевленных предметов, потом, в их глубокий, слепой сон (слияния).

Дискретность все более походит на самонадеянное шутовство, живущее короткий век и необходимое лишь для взаимоопределения с тотальным континуумом, а затем последующего самоотрицания в нем.

-

Ночь

плоская ночь, как обертка, как повязка на глазах, искусственная слепота
множество звуков, источник которых скрыт, клювы тысячи птиц стучат о стены моего ореха, моей единственной крепости, пытаются достать зернышко, а из него червячка, тот при- таился внутри, который и есть я, что-то завернутое в "я", которое извивается на мокрой полке купе в мокрой, больной и слабой оболочке *я-пассажира*

разговоры внизу давно надоели, сразу, сразу захотелось уйти и спрятаться, уйти некуда и нельзя – такая игра, такие правила, было жарко и больно, внутри спины болело само осно- вание жизни, будто в позвоночник вбит железный штырь, иголкой остановленное, приколо- тое к картонке и сохраненное в коллекцию существо, с заранее предсказанной судьбой еще не вылетевшей из кокона бабочки, потом вдруг на миг прикосновения болеутоляющей феи, стало хорошо, я заснул – всего-то две таблетки – ночью как обычно, в вагоне начал морозить кон- денционер изо всех сил, я спрятался в одеяло, еще один слой скорлупы, я прилип к казенной простыне, жар и мороз, распознанные признаки смерти

проснулся от чувства связанности и запутанности в слоях, я снова в коконе и жду свое время превращения, превращения во *что-то* мне неизвестное, может в кафкианского жука, спроецированного на потолке, а там рядом еще круглая коробочка, "*датчик противопожар-*

ный", я разглядел: на нем оказалась маленькая зеленая лампочка, которая постоянно моргала, может это странный режиссер шпионит за мной и остальными, снимая то, что на самом деле происходит, чего я не вижу пока сплю и чего я вообще не вижу? – ведь я так многого не вижу...

я решил снять штаны перед его камерой – мне плевать – всегда есть аргументы за и против этого в поездках, я не успел подумать и выбрать, просто заснул, теперь решил своим участием подыграть ему и разоблачить его, маленького зеленоглазого озорника, который бесстыдно следит за движениями безымянных априорных тел, воруящего эти тела, пока в них спит наблюдатель – я теперь все знаю

но стоило мне их снять, мои штаны, и распрямить вывесив в пролете между полок, наподобии белого флага – сдаюсь? – как я понял свою ошибку, они и были единственной моей скорлупой, одеждой пустой и живущей своей жизнью, независимой от меня, под которой ничего нет, она-то и была мной...

теперь остаток я беззащитен и птицы склюют его заживо, тем более многие ждали всю дорогу этого, ведь все мои деньги лежали в кармане штанов, теперь они наверное где-то далеко и рассеются как случайная пыль...

мир, он ведь в большинстве случаев, в основном, всего лишь хочет тебя обворовать. и я так думал долгое время, пока не осознал, что воровство тела – это только начало, затем идет порабощение тела, а затем полное уничтожение, ведь миру как змее важна смена оболочки, ему плевать что под ней, что под ней мои мысли и чувства или их отсутствие

мысли рассеются как случайная пыль, на миг осознавшая себя пылью, червячок продолжит движение по гастрономической цепочке, птицы улетят прочь, скорлупа пойдет в утиль, удобрение для роста деревьев, на которых совятся новые гнезда...

угловатая жестяная коробка продолжала вертеться и трястись в детских руках, внутри нее было какое-то сокровище, спрятанное от чужих глаз, только он – вода – хозяин игры – ребенок мог приоткрыть крышку посмотреть или даже потрогать это пальцем, ведь это его собственность и он легко мог бы даже заиграть это до смерти. И тут кто-то случайно толкнул его, и он вдруг выронил свою драгоценную коробку, та покатила, грохнула обо что-то несколько раз, он заплакал, я проснулся, мы прибывали в предутренние сумерки.

Маятник

Полезно наблюдать маятник, его свободное движение, оно же и демонстрация обусловленности. Его поведение: падения и взлеты, траектория из одной мертвой точки в другую, его остановки на мгновения в этих точках, смена знака, угасание силы и постепенное уменьшение пути, его полета, свободного в пределах исчезающего запаса энергии и зависимо от его учащегося и ослабляющегося пульса.

Как похоже это на проявление жизни в человеке и его мире, все время ждущем руки, которая бы вновь толкнула маятник. Сердце (упрямо преодолевающее любые невыносимые нагрузки) или культура (возрождающаяся в разных местах в истории, будто пробуя еще один шанс в поисках неведомого открытия), или гармония мира, нарушающаяся и всякий раз неизъяснимым образом возрождающаяся и покрывающая ошибки его жителей.

Все это – волшебный маятник, что продолжает свое вроде бы предсказуемое, но невероятное движение.

Пропорции

Я смотрю на свои бесконечно длинные руки, на их простирающиеся за горизонт возможности, на белесую протяженность и непредсказуемые движения, они тянутся изо всех сил куда-то вперед и, перебирая кончиками пальцев, пытаются крутить неподъемный монолитный шар, они не просто играют – они ищут – слепо и чутко входя в тело трепещущего мира, они заставляют его чувствовать свое присутствие, свое бесстыдное внедрение в пространство, с одной лишь целью – найти воду. Найти источник жизни и движения – вот главное их счастье, ведь они давно живут сами и никто, кроме них самих не даст им утраченного, потерянного по глупости.

Они жаждут подрагивая, они хотят остаться в найденном блаженстве, не простираясь дальше, не думая, не чувствуя своей кожей испепеляющего жара и засухи, царящих на краю, выпивших всю воду, забравших то, что не принадлежит земным существам, а лишь собственному круговороту самолюбования.

Невидимым советом было решено отъять незаслуженное и сохранить в недостижимо-замкнутом мире, в небесных сосудах. Но как могли услышать они? У них нет ушей, есть лишь желание формы и теплоты.

Когда я смотрю в окно, то вижу волшебные зазеркальные каплеяры, снисходящие (в хтон) и восходящие (к аиру) дары, и мои бесконечные руки, возомнившие себя благодетелями, тянутся к ним, подспудно желая нарушить замкнутость и распрямить непостижимые изгибы распределения.

Остановитесь!

Вы оборвете стебель жизни и ее возобновления, из трубок выйдет вся жидкость, просто выльется на землю и потопит ее в безумных потоках, напоит до смерти все живое, чтобы после воцарилась бездушная прямая, слепая гладкая поверхность – конец всему... Вы ничего не смыслите в гармонии петли, изогнутой во всех плоскостях и закрученной в вертикальную спираль, лишь в ней заложена возможность продолжения того, что неминуемо пришло бы к концу и истошилось.

Приходят новые воды, на смену удушья, ничем пока не объятые и никем пока не благословленные и не проклятые, невиденные и безымянные – им и начинать все заново, пробуждая земляной калейдоскоп, спящий и видящий только сам себя в своей темноте. Время им пройти по всем этажам причудливо-витого замка, омыть лица камней и сделать песок темно-рыхлым как тесто на кухне: то-то будет пир – встреча и смесь веществ! Но и этого мало: растворяясь и даря неблагодарным безумцам радость присутствия, они уходят дальше вверх, не прощаясь и не испытывая жалости. Все рано или поздно возвращаются домой, а у кого нет дома – те все время путешествуют.

Руки притихли и сонно задвигались: может и правда не стоит?.. Просто когда-то им стало жаль нестерпимо сухого слепка, рассыпавшегося в кулаке, и ила на вечном дне, хотелось ощутить золото середины.

Но не отмищением обернулся зуд предчувствий, неприкаянные движения слепых рышущих существ, потерявшихся в пространстве и отчаявшихся в поиске равновесия пришли к нужному месту. И пробудился там поток, распирая твердые породы, он начал движение на свет – начал свое мнимое возвращение. Когда он выбрался на теплую землю, стала ясна тайна: *благо – и есть пропорция, пропорция – и есть благо*. Рукам больше не пришлось беспокоиться, они могли, сложившись лодочкой, набрать из потока свою меру и напиться.

(3.09.2015)

Соломенные бычки

Соединения были непрочными, все держалось только на круговом ветре и взорах цапель, влюбленно парящих на верхнем крае форм. Иногда гневаясь на слишком короткие закаты, железных коней или нерадивость степных грибников, они пытались превращаться в упрямость молодых ослов или лабиринты для муравьев, а потом, когда вместе с огоньком недовольства исчезали и последние розоватые, а затем и темно-синие реки на западе, и все переливы сглаживала теплая темнота, наступало время, когда они паслись хороводом и перешептывались о чем-то непонятном полевым гостям.

То посеребренность лунных трав, вселяющих непрерывность в переоблачении будущего в настоящее, направляла их плавные спиралевидные движения к югу, то мягкость покрывал полусфер, радующих сердце каждой пробирающейся сквозь их объятия секунды, поворачивала их к западу, то протяжный бархатный гудок, всегда чуть позже полуночи, текущий виолончелью воспоминаний детства, того самого, когда каждый из них был величиною с поле и видел не только свое созвездие, но и дальнюю змейку речки, показывающуюся только в летние новолуния, да и то не всякому глазу, очерчивал круг.

Так получалась петля, потом другая, огибавшая старое дерево на самом восточном краю, то самое, где было спрятано логово влюбленных цапель, и движение замыкалось бесконечной восьмеркой.

И вот где-то послышалось одно единственное, самое важное в тот момент слово из птичьего языка – и это был знак пастуху, выплыть из продольного как флейта пространства своих снов, как изумрудная ящерица выползает утром на камень, и вывести из ночи коров, несущих, как всегда, на своих спокойных спинах первые очертания, а тонким колокольцем прогоняющих последние видения.

Тогда они в великом смущении затихали, и чтобы скрыть свое обожание и бескорыстное самопожертвование, превращались в привычные для коровьих глаз стога.

Но почему перед летним солнцестоянием одна из коров телилась единорогом со светлыми глазами, и куда он той же ночью исчезал, не смотря на бдение пастухов и сторожей, не в силах никто понять до сих пор.

Вновь, повинувшись солнцу, зазвучала свирель полдня, а по реке медленно поплыл зной.
(28.06.04)

Крепость или На нашем дне

От автора:

Посвящается всем жителям Крепости¹ и ее постоянным гостям, коим был когда-то и я. Все герои – реальные, все места – тоже реальные, и события, между прочим, тоже – реальные, только немножко перепутанные, перемешанные в хронологию и слегка урезанные, чтобы можно было их уместить в нескучный рассказ.

Да, и некоторые имена зачем-то изменены.

I

Гром пробежал алюминиевой ложкой по дну пустой ночной кастрюли и не найдя там даже пары засохших макаронин превратился в досадное хлопанье дождя за окном. Внутри его никто не впускал пока не пришел йог, абсолютно мокрый и загадочный больше обычного. Гораздо проще было перечислить странные вещества и мысли, которые в нем не присутствовали, остальные же наглядно складывали мозаики в его голове и на его улыбающемся лице, однако от предложенного мной остатка портвейна он не отказался.

¹ "Крепость" – коммунальная квартира, располагавшаяся когда-то в старом доме на Крепостном переулке в Ростове-на-Дону, для кого-то она была местом жительства, для кого-то – местом встреч и спонтанного праздника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.